

МАРИНА ИНДИВИ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
ВЕРХОВНОГО
БЕСТИАРА

Марина Индиви Возлюбленная Верховного Бестиара

<https://litres.ru/74204447>

Аннотация

Я уже не та наивная девушка, когда-то беззаветно влюбленная в Богдана Велимирского. После раскола Лазовии на два суверенных государства он правит своей частью некогда единой державы. Я знаю о его жизни все, потому что я - фаворитка Верховного бестиара, его секретное оружие. Но все изменится, когда под угрозой войны с соседними странами дядя и племянник снова сядут за стол переговоров. Когда-то разлука с Богданом изменила меня до неузнаваемости. Но что со мной сделает его близость?

Завершенная диалогия. Первая книга здесь:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	85
Глава 11	93
Глава 12	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Глава 1

Алина

— Мамочка, мамочка, смотри, какая красивая!

Дочь бежала ко мне, показывая на раскрытых ладонях водяную лилию. Казалось, шесть лет должны были напрочь стереть из моей памяти воспоминания, оставшиеся в прошлом. И этот пруд, из которого я вытаскивала тонущую княжну, и все, что последовало за этим, но они остались. Правда, померкли, как чернила на письме многолетней давности. Словно все это было не со мной.

— Невероятно красивая, — подтвердила я, глядя на цветок, который дочь показывала мне. Снежана была бы моей точной копией, если бы не глаза. Темные, как ночь, что делало ее внешность немного колдовской, если не сказать пугающей. Что, впрочем, меня по большей части радовало.

В том самом затертом прошлом я бы никогда не порадовалась, если бы боялись моего ребенка или меня, сейчас же это было вполне естественно. Я привыкла к шепоткам за спиной, к попыткам меня отравить (всю еду и напитки я лично проверяла магией), к тому, что за этим следовало. Мне было все равно. Даже тогда, шесть лет назад у меня была цель. Сейчас и от нее осталось нечто весьма эфемерное.

Померкшее, как те самые выцветшие чернила.

— Ма-а-ам, — дочь вскарабкалась ко мне на колени, и я

обняла ее, устраивая поудобнее. Легкий ветерок подхватил ее волосы, пощекотал ими мою руку в небрежной ласке. — А можно я сегодня не буду заниматься музыкой?

— Нет. Нельзя.

— Но ма-а-м...

— Снежана. — Мне достаточно было всего лишь спокойно сказанного имени, чтобы дочь притихла и надулась.

Скамейка, на которой мы сидели, стояла в тени, и только так можно было укрыться от жары, на которую это лето оказалось бесконечно щедрым. Столь же знойным, сколь лютой была зима, когда на свет появилась моя Снежана. Я назвала ее в честь той ночи, когда она родилась: выюжной, непроглядной, обжигающе морозной. Ночи, когда я в последний раз вспоминала ее отца, мысленно повторяя его имя снова и снова, словно он мог услышать меня и прийти.

Но, разумеется, он не услышал и не пришел. К тому времени Богдан уже женился на Анне, Лазовия находилась на грани раскола, а Снежана родилась раньше срока. Просто потому, что я узнала о том, что Анна тоже беременна.

Моя магия, подарившая мне столько преимуществ, не исчезла с рождением дочери, и это стало нашим спасением. Без магии я бы не смогла осуществить все то, что задумала. Без магии я бы не стала той, кем я стала. Без магии я бы уже раздвести была мертва.

От собственных мыслей меня отвлек хлопотающий звук. Я вернулась в залитый солнечным светом парк и поняла, что

Снежана сбросила лилию на гравий: помятый цветок, опрокинутый навзничь, лежал у моих ног.

— Ты сорвала ее, чтобы выбросить? — спросила я.

— Она мне больше не нужна! — капризно заявила дочь.

— Еще несколько минут назад ты называла ее красивой.

— Я не хочу заниматься музыкой! Эта Татьяна такая противная! И бьет меня по пальцам указкой, когда я неправильно играю ноты. — В глазах дочери заблестели слезы.

— Что? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева. — Она тебя бьет? Почему ты не сказала об этом раньше?

— Потому что она сказала, что иначе я никогда не научусь красиво играть.

— Я поговорю с ней, — глядя дочери в глаза, произнесла я. — Если все так, как ты сказала, она больше никогда не будет тебя учить. А теперь подними лилию, цветок не виноват в том, что тебе больно. Вернемся во дворец и поставим его в воду.

Снежана тут же прыгнула с моих колен и снова взяла цветок в руки. Отряхнув его лепестки от гравийной крошки, пробормотала:

— Прости, — и прижала лилию к груди. Осторожно, как драгоценность.

Слуги, ухаживающие за прудом, один из них как раз срезал цветок для моей дочери, смотрели на нас. Я чувствовала их взгляды всей кожей, привычно за все эти годы, но, стоило

мне поднять голову и глянуть в их сторону, как все тут же усталились в землю. К этому я тоже привыкла.

— Прошу прощения.

Засмотревшись на них, я не заметила появления лакея, который пришел со стороны дворца. С обращениями ко мне были проблемы. Поскольку во дворце я была чуть ли не второй персоной после Михаила, обращаться ко мне как к простой девице не рисковал никто. Но и княжной я тоже не являлась, поэтому слуги предпочитали начинать разговор исключительно подобным образом. Алиной меня теперь называли лишь те, кому я позволяла и те, кому доверяла. Насколько это возможно.

Повернувшись к нему, я вопросительно вскинула бровь:

— Вас хочет видеть Верховный, — тот склонил голову. —

Говорит, это срочно.

— Хорошо, — я поднялась, дала руку дочери. — Снежана.

— А я сегодня увижу папу? — запрокинув голову, она вопросительно посмотрела на меня. Ее пальчики дрогнули в моей ладони, или это моя ладонь дрогнула?

Для всех Снежана была дочерью Михаила. Даже для него самого.

— Посмотрим, милая.

Мне было не привыкать ходить быстро, но сейчас лакей торопился так, будто спешил на пожар. Еще и все время оглядывался, словно боялся, что мы испаримся или сбежим.

Снежану я оставила на попечение няни, одной из тех, кому я доверяла достаточно, чтобы доверить дочь. После чего дворцовые коридоры, анфилады, по которым я сейчас могла ходить с закрытыми глазами, привели меня в кабинет Верховного.

Первый раз я переступала порог кабинета Михаила в Летнем дворце с дрожью во всем теле. Второй раз было проще. Сейчас же я шагнула в него, как в любую из комнат, едва взглянув на спешно поднявшегося секретаря.

Слуги затворили за мной двери, и Михаил обернулся. Время почти не властно над бестиарами, вот и сейчас он выглядел едва ли старше того дня, когда мы с ним впервые встретились. Разве что стали в волосах теперь было больше. Он выглядел раздраженным, и он был в ярости, я чувствовала это благодаря магии, как если бы он сейчас мне в этом исповедовался.

— Проходи, — Верховный кивнул на кресло, — располагайся.

— К чему такая срочность?

— Сейчас все узнаешь.

Узнала я гораздо быстрее, чем ожидала. Едва успела сделать шаг, как двери в кабинет распахнулись снова. К кинжалам взглядов я привыкла, но не ко всем. Некоторые ощущались особенно остро, вот как сейчас. Обернувшись, я на миг утратила дар речи, чувствуя, как сердце в груди замирает и становится куском льда.

Потому что прямо напротив меня стоял Богдан.

В каких-то нескольких метрах. Сейчас это расстояние казалось для меня столь же коротким, как один шаг. Я провалилась в наше прошлое быстрее, чем успела себя остановить, снова чувствуя себя влюбленной девчонкой. Беззаветно, бесконечно, наивно. Верящей в то, что у нас все получится, и столь же безжалостно отрезвленной.

Уже в настоящем. Ледяным взглядом.

В нем было столько ненависти и презрения, что в них можно было утопить всю Лазовию, обе части некогда великой державы. Что уж говорить об одной хрупкой женщине, но именно сейчас я вспомнила, что больше ей не являюсь. Я больше не та юная девочка, а он — не тот, кого я любила. Не тот, кто достоин моей любви.

Поэтому взгляд я вернула ему сполна, не без наслаждения отметив, как полыхнули его глаза. Бездной.

Я бы спросила у Михаила, зачем я здесь, но мне и без того все было ясно. Его игры и самого Верховного я знала, как свои пять пальцев. Он наслаждался интригами, наслаждался причиненной им болью в той же мере, как и своей властью. Для него первое было неотделимо от второго, а второе — от первого, и еще одной его слабостью была месть. Сейчас это была месть Богдану за то, что однажды он посмел меня у него забрать. Как ему это удалось, я не знала, да и зачем? Ему точно так же просто нужна была игрушка, от которой он с легкостью отказался ради своей Анны.

— Прошу, располагайтесь. — Даже ярость и раздражение сейчас уступили в его голосе место удовлетворению и самодовольству. Что в очередной раз подтвердило: я в своих выводах не ошиблась.

Я опустилась в кресло рядом со столом Верховного, не обращая внимания на оставшегося за моей спиной мужчину. Несмотря на то, что могло показаться, что я вовсе на него не смотрела, я уловила все. То, насколько резкими стали его черты, насколько мощнее стала фигура. Богдан всегда отличался мужественностью, но сейчас я видела перед собой мужчину, которого мне еще не доводилось знать.

Зачесанные назад волосы, едва достающие до широких плеч. Жесткая линия подбородка, опущенные углы губ, пока еще едва заметная морщинка между бровями.

Я словно впитала его новую внешность в себя, чтобы запечатлеть в никогда не написанной картине.

— Зачем она здесь? — Богдан задал вопрос, который не задала я.

Словно мог ударить еще большее своим пренебрежением и разговором обо мне в третьем лице, как если бы я их не слышала или была мебелью.

— Алина поднимает мне настроение, — заметил Михаил. — На всех важных переговорах. Насколько я помню, между вами тоже осталось множество приятных моментов. Или ты не рад ее видеть?

— Я предпочел бы, чтобы ее здесь не было, — холодно

произнес Богдан.

— Интересы, по которым мы сегодня здесь собрались, наши общие, дорогой племянник. Поэтому повторяю, садись. Чем быстрее мы все обсудим, тем лучше.

Я слышала каждый его шаг, как удары моего сердца. То ли оно отсчитывало их, то ли Богдан впечатывал его в пол ударами подошвы своих сапог. Снова и снова.

«Возьми себя в руки, — мысленно приказала я себе. — Соберись. Ради Снежаны».

Это сработало. Мысли о дочери всегда возвращали меня в реальность, напоминая, зачем мое сердце бьется на самом деле. Для кого. Ради чего. Поэтому когда Богдан опустился в соседнее кресло, я спокойно встретила его взгляд. Так я встречала всех визитеров Михаила: как давних знакомых. С толикой ненавязчивого интереса и женского внимания, льстящего самолюбию любого мужчины.

Любого, но не Богдана. Его глаза сузились, Бездна в них полыхнула сильнее. Я воспринимала ее влияние, но уже не так остро, как когда-то. Моя внутренняя сила, сила, живущая во мне, подчинялась только своим законам. Незученная магия, которую я познавала и раскрывала сама, о которой делала заметки, понятные только мне. Скрытую невидимыми рунами, которые я сама себе нанесла.

— Согласен, — коротко произнес Богдан. — Поэтому жду от тебя предложений.

Михаил опустился в кресло и, сцепив пальцы на столе пе-

ред собой, посмотрел на него в упор.

— Как ты сам понимаешь, раскол ослабил Лазовию. Несмотря на то, что уровень твоей и моей армии и наша сила до сих пор внушает большинству уважение, существуют некоторые... правители, которые придерживаются иного мнения. Моя канцелярия донесла, что уже предпринимаются определенные действия, и в ближайшее время нам можно ожидать нападения.

— Фьерция? — равнодушно поинтересовался Богдан.
Угадал. Но не совсем.

— В коалиции с Хьердарром и Терданием. Наша сила многим не дает покоя, племянник. Если нам сейчас не объединиться, кровопролитной войны не избежать. Войны, которая будет идти на наших землях. Когда-то на наших, но, Богдан, — Михаил выждал паузу, потом продолжил: — Сначала они перейдут наши границы, потом подойдут к твоим. Да даже сейчас, говоря «наши»... ты же любишь Лазовию. Неужели позволишь проливать кровь тех, кто доверился мне? Просто потому, что они выбрали не тебя? Ведь эти границы условность, и мы оба это прекрасно понимаем.

Рука Богдана обманчиво-расслабленно лежала на подлокотнике. Слишком расслабленно. Я помнила, сколько силы в этих руках, и в точности так же я помнила этот жест. Когда в расслабленности кроется сила опасного хищника перед прыжком. Каким ты сейчас стал, Богдан? Неужели таким же, как сидевший напротив Верховный?

Я прервала опасные мысли раньше, чем они успели мной завладеть. Да и не мне судить этих мужчин, особенно сейчас, когда я по уши погрязла в дворцовых интригах.

— Согласен, — наконец, снова произнес Богдан. Говорил он так, будто ему не хватало слов или было их для нас жалко. — Что ты предлагаешь?

— Начнем с того, что мы с Катериной нанесем вам официальный визит. Организуете в нашу честь бал. Пусть информация о нашем примирении слегка охладит умы тех, кто считает, что нас сейчас можно взять голыми руками. Проведем военный совет, соберем командующих на твоей территории.

— С чего вдруг такая щедрость? — Богдан усмехнулся, но веселья в его глазах не было.

Только холод и жесткая пустота.

— Считаю, это жестом доброй воли и моего к тебе расположения. Знаком того, что я больше не держу зла. — Михаил поднял руки вверх и добавил. — Того, что я не держу камня за пазухой и готов признать свои... некорректные слова и поступки в прошлом.

Мне это не понравилось. Верховный никогда не признавал ошибок, и причин делать исключения сейчас я не видела. Разве что все действительно настолько плохо, и его прижало так, что он готов на союз с Богданом на его условиях. Но насколько тогда все плохо на самом деле?

— Жест доброй воли, говоришь? — жестко произнес Бог-

дан. — Что же, тогда ты наверняка не откажешь еще в одном.

— Спрашивай. Все, что в моих силах... — Михаил не договорил, но разведенные руки явно намекали на предполагаемую широту жестов.

Богдан кивнул и повернулся ко мне. Чтобы, глядя мне в глаза, произнести:

— Отдай ее мне насовсем, дядя.

Глава 2

Алина

Он не мог этого сказать! Или же мог? Несмотря на то, что свою выдержку я тренировала и взращивала вместе с магией — годами, меня захлестнула волна гнева. Истинного, горячего, как кровь. Того, что с трудом поддается контролю. Я вцепилась в подлокотники кресла, и это помогло мне пережить следующий удар. Когда Михаил ответил:

— Хорошо. Забирай.

Я никогда не тешила себя мыслью, что нужна ему. В определенном смысле, конечно, была нужна: как трофей, как знак превосходства над тем же Богданом. Как игрушка, как секретное оружие, как развлечение, но не более. Поэтому сейчас внутри меня все перевернулось — я знала, о чем это. Знала, к чему. Только это и помогло промолчать. Это, а еще нежелание показывать свои чувства перед Богданом, который совершенно этого не достоин.

— Правда, с одним условием. В Северной Лазовии люди свободны, и Алина — если я тебе ее подарю сейчас, вряд ли захочет остаться рядом с тобой. Я прав? — На меня посмотрели в упор, и я пожала плечами.

— Если бы у меня был выбор, я бы не согласилась даже сидеть рядом с ним, — произнесла холодно.

Отметила, как у Богдана дернулся кадык.

— Твоя игрушка слишком многое себе позволяет.

— Да, она такая, — Михаил усмехнулся. — За это и нравится.

Они говорили обо мне так, будто я была вещью, и если со стороны Верховного для меня это было привычно, то со стороны Богдана... Я подавила желание наступить ему на ногу, когда буду вставать. Глупый жест: все равно его сапог переживет нападение моего каблука, а я себя выдам. Выдам, что мне не все равно. Что его слова по-прежнему способны причинить мне боль.

— Поэтому, — Верховный подвел итог, — я отпущу ее с тобой, но принадлежать она по-прежнему будет мне. До тех пор, пока мы не подпишем наше с тобой соглашение, не объединим наши армии и не определим дальнейшие условия нашего... сотрудничества. После я отдам ее тебе со всеми бумагами, и поступай как знаешь. Если не передумаешь, разумеется.

Богдан усмехнулся.

— Ничего не делаешь без условий?

— Считаю это справедливым началом нашего с тобой перемирия.

Какое-то время в кабинете царила тишина, и, поскольку окна были плотно закрыты, нарушало ее лишь мерное тиканье напольных часов. Да биение моего сердца: мне казалось, оно колотится со звуком самого большого колокола.

— Согласен, — подтвердил Богдан.

Это теперь его любимое слово, что ли? Я плотно сжала губы, чтобы не выдать своих чувств неосторожно брошенной фразой. Рядом с ним я словно на вулкане находилась: постоянно надо было думать о том, что говоришь, как двигаешься, как смотришь. Обычно у меня с этим трудностей не возникало, но сейчас...

— Вот и замечательно, — Михаил поднялся. — Я распорядился приготовить тебе покои. Лучшие во всем дворце, и твоему сопровождению тоже. Пусть прошлое останется в прошлом, племянник.

Богдан поднялся следом за ним.

— Я не рассчитывал задерживаться на ночь.

— Понимаю, но мы с Катериной уже приготовили ужин в твою честь. Надеюсь, ты нас уважишь.

Богдан коротко кивнул и вышел, и только после я смогла перевести дух. Чем дальше он становился, тем привычнее становилось быть собой. Той, которая выжила и смогла защитить дочь, той, которая привыкла просчитывать каждое свое действие на несколько ходов вперед.

— Не по нраву тебе такие события? — Михаил обошел стол, сел на него и, скрестив руки на груди, посмотрел на меня.

— Мне все равно.

— Не верю.

— Мне все равно, потому что я знаю, чего ты хочешь. Чтобы я докладывала о каждом его шаге в Северной Лазовии.

— Никогда в тебе не сомневался, — усмехнулся Верховный, потом подался вперед и сжал пальцами мой подбородок. — Кто бы мог подумать, что из дворовой девки получится... такое.

Даже не знаю, комплимент это был или оскорбление, но здесь мне действительно было все равно. Я улыбнулась: привычно, настолько изученной и много раз отыгранной ролью, что сама начала верить в искренность этих улыбок.

Если поначалу я изображала мстительную недалекую особу, чтобы Михаил расслабился, то спустя уже пару месяцев начала переключать и его внимание, и свой образ. Я училась, получала самые разносторонние знания, в том числе в экономике и в политике. Понимая, что наивная мстительная, якобы на все согласная девчонка ему быстро надоест, я превратилась в интересную собеседницу и достойного оппонента в дискуссиях.

Я научилась обходить острые углы, не замечать когда-то важных вещей и защищаться. Может быть, той Алины, которая когда-то верила в любовь, сейчас и не стало, но осталась та, что никогда не забывала, ради кого это все.

Поэтому сейчас я положила кончики пальцев поверх его, и, когда он убрал руку, произнесла:

— Я сделаю все, как обычно. Но у меня тоже есть одно условие.

Михаил приподнял брови, а я продолжила:

— Снежана поедет со мной.

Верховный посмотрел на меня в упор. К его пристальным взглядам я привыкла, поэтому сейчас не отвела глаз.

— Ты хочешь, чтобы я отпустил свою дочь *к нему*? — уточнил он, и голос его стал еще более холодным и жестким.

Михаил поверил в то, что Снежана его дочь, почти сразу. Мне всего лишь пришлось сказать, что Богдан отказался от меня так легко по этой причине. У Верховного не возникло сомнений на этот счет: по всей видимости, он тоже слишком хорошо знал племянника. Того племянника. Ну а то, что Снежана родилась раньше срока, стало подтверждением моих слов.

Можно сказать, нам всем повезло. Как бы цинично это ни звучало.

— Ты так и не назвал ее своей официально, а в мое отсутствие ее будет некому защитить. Зарина хорошая девушка, но у нее не хватит сил противостоять Катерине или тем, кого она подошлет. Не говоря уже о твоих старших дочерях.

Княжны чуть ли не шипели когда видели меня, а Снежану — особенно. Возможно потому, что при всем его безразличии, жестокости и черствости, Михаил проводил с ней гораздо больше времени, чем с ними. Что неудивительно: я была его любимой игрушкой, а Снежану от себя отпускала в исключительных ситуациях. Особенно когда она была маленькой и до того, как все окончательно убедились в том, что со мной лучше не связываться.

Произошло это в тот день, когда старшие дочери Миха-

ила решили, что могут безнаказанно поиздеваться над моей. В том, что из Марии и Василисы не получится ничего хорошего, было понятно сразу, но того, что они решат приблизиться к моему ребенку и напугать ее до полусмерти, я даже представить себе не могла.

Поэтому когда вошла в свои покои и обнаружила ревущую тогда еще совсем маленькую Снежану, любимая кукла которой в искромсанном платье и с обрезанными волосами валялась на полу, а еще перепуганную няню, на чьей щеке алел след от недавней пощечины, я, пораженная, замерла. Тогда еще меня что-то могло поразить. Заставить застыть.

— О, явилась, — насмешливо произнесла Мария. Та самая, которую я вытащила из воды. Именно она держала в руках ножницы, Василиса просто стояла, скрестив руки на груди. — Лучше забирай свое отродье и убирайся отсюда по-хорошему. Как тебе предлагала мама!

Катерина предлагала мне побег. Как-то спустя год после рождения моей дочери явилась и сказала, что может его организовать. Что Михаил меня никогда не найдет, и я смогу жить припеваючи вдали от него.

Как бы ни было велико искушение, увы. Я растеряла всю свою наивность по дороге в этот период жизни, поэтому прекрасно знала, что Катерина либо сразу сдаст меня мужу, либо меня действительно никто не найдет. Но уже по другой причине.

Поэтому ей я вежливо отказала. Настолько вежливо, на-

сколько могли общаться жена и любовница в высшем сословии, но сейчас вежливости во мне не осталось ни капельки. Только защитные руны спасли меня от раскрытия магии, когда я увидела плачущую дочь и этих великовозрастных девиц, издевающихся над ней.

— Пошли вон, — холодно произнесла я, шагнув к княжнам вплотную.

Василиса попятилась. Она никогда смелостью не отличалась, да и в целом — обладая гораздо более приятной внешностью, пасовала перед напором сестры, из-за чего выглядела ее непривлекательной тенью. Что же касается Марии, она вскинула голову и насмешливо поинтересовалась:

— А то что? Или забыла, что бывает, когда мы жалуемся папеньке?

Должно быть, это стало последней каплей, потому что во мне в тот момент не осталось даже чувства самосохранения. Я толкнула княжну к стене так резко, что она приложилась головой, а потом, под визг Василисы, выхватила из рук ее сестры ножницы и срезала ей несколько прядей. После чего прижала острие к ее лицу и сказала, с совершенно безумной улыбкой:

— Тебе несказанно повезло, что ты не порезала кукле лицо, Мария.

Я отшвырнула ножницы и с силой толкнула девицу к двери.

— Ты даже не представляешь, что с тобой сделают! — за-

вопила она и первой выбежала из покоев, Василиса побежала следом.

Я же подхватила плачущую Снежану на руки, прижала к себе. В этот момент мне было совершенно все равно, что со мной сделают, я просто чувствовала отчаяние дочери, ее беззащитность. Зарина чуть ли не в ноги мне бросилась:

— Простите, пожалуйста! Они пришли... я не могла... Так, как вы... Я попыталась отнять куклу, но...

— Все хорошо, милая — я гладила плачущую дочку по голове, прижимая ее к себе, — все хорошо. Они больше тебя не тронут. Никто никогда тебя больше не тронет.

Только после этого я посмотрела на Зарину и покачала головой:

— Ты ничего не могла сделать.

Но, судя по всему, пыталась. Пощечина на ее щеке до сих пор пылала красным, и даже за эту смелость, за эту попытку защитить моего ребенка я почувствовала к этой девушке глубочайшую нежность.

— Но я благодарю за то, что попыталась.

За мной действительно пришли, спустя буквально полчаса. В кабинете у Михаила стояла зареванная Мария, белая как мел Василиса и красная от гнева Катерина.

— Она должна за это ответить! — жена Верховного сорвалась на крик. — За то, что...

— За то, что защитила двухлетнюю дочь от взрослых девиц, которым нечем заняться? — перебила я ее. — Настоль-

ко, что они приходят к малышке, чтобы искромсать любимую игрушку у нее на глазах, напугать до полусмерти, ударить няню, которая пытается ее уберечь?

Катерина явно такого не ожидала, поэтому осеклась, я же шагнула к ней и, глядя в глаза, произнесла:

— Если ваше воспитание настолько хромает, что ваши дочери не гнушаются ничем, то Снежану я буду защищать даже ценой своей жизни.

Михаил мне тогда ни слова не сказал, кроме как:

— Ты свободна.

А вот после моего ухода крики в кабинете стояли такие, что их, должно быть, слышал весь дворец. Я не слушала. Я вернулась к Снежане с Зариной и весь вечер провела с ними. Судя по тому, какими ненавидящими взглядами меня награждала Катерина при встречах после того случая, досталось им знатно.

Мне было все равно. Снежану я готова была защищать ценой своей жизни всегда, и сейчас ничего не изменилось. Должно быть, Михаил тоже это вспомнил, потому как сейчас нахмурился:

— Считаешь, я не в состоянии защитить свою дочь?

— Считаю, что со мной ей будет лучше. Да и Богдан гораздо быстрее расслабится, когда поймет, какое у него преимущество.

Я играла на всех его слабостях, на которых могла. Зная, что разлуки со Снежаной просто не переживу, а даже если

и переживу, мне будет не до чего. Верховный, кажется, тоже это понял, потому кивнул:

— Пожалуй, ты права. Пусть будет так.

В этот момент я мысленно облегченно вздохнула. И, хотя расслабляться было рано — я не представляла, что меня ждет в Северной Лазовии, я знала, что справлюсь со всем. Так было всегда, и так будет впредь.

Глава 3

Алина

— Вы били мою дочь? — холодно спросила я, глядя на готовящую инструмент для игры Татьяну.

Она была худой и тощей, как палка, с блеклыми волосами, затянутыми в пучок. Ее платье только подчеркивало ее рост, обтекая ее фигуру свинцово-серебристым саваном. В музыкальный салон лился щедрый солнечный свет, раскрашивая светлые стены, оживляя пейзажи на них, заставляя сверкать позолоту подлокотников и теплые нити в обивке. Но Татьяна как была серым холодным пятном, так им и осталась.

— Что вы под этим подразумеваете? — сухо поинтересовалась она, выпрямляясь и вонзая в меня жесткий суровый взгляд. Как будто я тоже была ее ученицей.

— Только то, что сказала. Вы бьете мою дочь по пальцам указкой? Если это так, то вряд ли вы таким образом сможете ей привить любовь к музыке.

— До вас никто не жаловался, — скупое ответила женщина. — Это мои методы, и с княжнами Марией и Василисой они работали. А их мать, которая, между прочим, законная супруга Верховного, — сделала на этом акцент, — тоже училась у меня и мои методы одобряет. Ваше мнение мне совершенно не интересно. Надеюсь, мы друг друга поняли?

По сути, мне не имело никакого смысла с ней спорить. Завтра мы со Снежаной отсюда уедем, но сегодня ей предстоит еще один, последний урок. Я вспомнила лицо своей дочери. Вспомнила ее маленькие хрупкие пальчики и шагнула вперед.

— Этим вы ее били? — Я взяла с рояля указку.

Татьяна даже слова не успела сказать, как дерево треснуло в моих руках. Я сломала указку легко даже без магии, а после вернула на рояль.

— Попробуйте еще раз — и я обе части засуну вам в зад, — сообщила я. — Надеюсь, мы друг друга поняли?

Да, законная жена Михаила явно не разговаривала с ней так, потому что слов в ответ у Татьяны не нашлось. Спустя же буквально мгновение в дверь постучали, и вошли Зарина со Снежаной.

Каким удивлением вспыхнули глаза дочери! Удивлением, радостью, а еще благодарностью, когда она поняла, что я сделала. Потому что первым делом ее взгляд метнулся к полованной указке — и только потом замер на мне.

— Сегодня я побуду на вашем занятии, — сообщила я, устраиваясь в большом уютном кресле. Его обычно занимала Катерина, когда дамы высшего света собирались в музыкальном салоне. — Зарина, ты можешь идти, я приведу Снежану обратно сама.

Няня улыбнулась, склонила голову и вышла, а дочь весело направилась к роялю. Теперь уже с совершенно иным на-

строением, я видела, какая хмурая она вошла и какая стала сейчас.

Татьяна всем своим видом изображала недовольство, но перечить мне не осмелилась. Должно быть, посчитала, что с меня станется запихивать указку ей в зад на глазах у дочери. Или выдать что-то еще в том же духе, что окончательно разрушит ее авторитет в собственных глазах.

Снежана устроилась на банкетке и оглянулась на меня, на что я ей сказала строго:

— Занимаешься, как обычно. Как будто меня здесь нет.

Глядя на то, как тонкие пальчики порхают над клавишами, а в салон льется легкая простая мелодия, я улыбалась. В этой девочке сосредоточилась вся любовь этого мира, все самое хорошее и самое светлое, и я намерена была его сохранить. Не позволить никаким Татьянам, никому это разрушить. Моя дочь всегда будет знать, что за нее есть кому постоять, и когда она это поймет, никому больше не позволит причинить себе боль. Или, тем более, ударить.

— Мама, мамочка, как тебе? — Снежана подбежала ко мне, когда занятие было закончено, и я поднялась из кресла, опускаясь и принимая ее в объятия.

Раньше я подхватывала ее на руки, но с каждым годом делать это становилось все сложнее. Вот и сейчас я сначала открыла дверь, а только после этого подхватила ее и прижала к себе.

— Ты волшебю играеш, снежинка!

— Правда?

— Правда!

Дочь просияла, я же перехватила ее поудобнее, стараясь не пыхтеть. Все-таки я никогда не отличалась физической силой и большим ростом, а Снежана росла не по дням, а по часам. Такими темпами она очень быстро меня перерастет.

— Такие занятия мне нравятся, — призналась она.

— Вот и чудесно. А завтра мы с тобой отправимся в небольшое путешествие.

— На море? — Дочь широко распахнула глаза.

Она обожала море, в отличие от меня. Каждый раз, оказываясь там, я словно проворачивала в незаживающей ране нож, но Михаил неизменно везде возил нас с собой. Хотя его шикарное поместье ничем не напоминало уютный дом Семена и Марии, а прилегающий к нему пляж — побережье, на котором было так сладко, море оставалось все тем же. Соленый ветер так же играл моими волосами, вода ласково облизывала ноги, напоминая о том, что безвозвратно утрачено.

Но Снежане об этом было знать необязательно, она с такой радостью резвилась в воде, что мне пора было бы уже заменить те воспоминания новыми. О ней.

Увы. К сожалению, они не заменялись.

— Нет, снежинка, в Северную Лазовию.

— В Северную Лазовию? А зачем? По делам с папой?

— Ко мне в гости.

Этот голос прозвучал так резко и так неожиданно, что из

груди выбило все дыхание. Богдан шагнул к нам с таким ледяным и жестким выражением лица, что Снежана вжалась в меня. А я остановилась, чтобы перевести дыхание. И с лихвой вернула ему его взгляд.

Богдан

Прошли годы, а, казалось, одно мгновение. С того самого дня, как они виделись в последний раз. С того самого дня, как Алина сказала, что выбирает Михаила. Сначала он не мог поверить: девочка, которую он знал, просто не могла так поступить.

Но знал ли? Знал ли он ее вообще когда-нибудь, или Алина, образ которой он для себя создал, никогда не существовала? Та, которая была хрупкой и нежной. Та, что всегда выбирала говорить правду. Та, которая никогда не играла и не могла смириться со злом и несправедливостью.

В стоявшей перед ним женщине ничего этого не было: хитрая и расчетливая, родившая дочь от того, кого, как она говорила, ненавидела всей душой. Как можно было настолько в ней ошибаться? Как можно, несмотря на все это ее хотеть? Хотеть до одури, до темной яростной пелены Бездны перед глазами.

Несмотря на всю ложь, фальшь и лицемерие.

Несмотря на то, что она ему сказала при расставании.

Несмотря на то, как себя рядом с ним вела. Заносчиво, надменно, холодно.

Вот и сейчас ее взгляд стал ледяным, она крепче прижала к себе ребенка.

— По делам, — поправила она. — По просьбе папы, снежинка.

От этого «папы» внутри Богдана проснулся зверь. Он сам не знал, что с ним происходит: ведь об игрушке Верховного Южной Лазовии говорили, и довольно часто. Он знал, что Алина родила от Михаила. Знал, что она принимает участие в его политических переговорах, что она соблазняет мужчин, чтобы вытащить из них тайны. Для него. Для Михаила. Ради него.

— По приказу, — холодно напомнил он. Чтобы не забывалась. — Твоей дочери пора знать, что особого выбора у тебя нет. И никогда не было.

Ух, как сверкнули ее глаза. На миг показалось, она на него сейчас набросится, но Богдан просто прошел мимо. Мстительного удовлетворения не было, была ярость. Горячая, пульсирующая в висках, кровь казалась раскаленной. Даже странно, как при всем при этом сердце в груди ощущалось осколком льда, готовым вот-вот треснуть.

Зачем он согласился остаться? Ради чего?

Он ехал не примирения искать с Михаилом, а временного решения сложившейся политической ситуации. Уж тем более он приехал не затем, чтобы забирать Алину с собой, но

стоило увидеть ее — нежные губы, знакомый профиль, стоило лишь на миг вспомнить, каково это было, касаться губами ее кожи, впитывать дрожь хрупкого тела, находясь в ней, и разум просто отключился. Слова сорвались с губ сами собой.

Тогда он думал, лишь для того, чтобы ее унижить: он думал, что Михаил откажет. Но Михаил согласился, и сейчас Богдан понимал, как никогда ясно, почему. Дядя хотел, чтобы Алина оказалась рядом с ним. Чтобы докладывала ему обо всем, что происходит в Северной Лазовии, в его доме, в его окружении.

А она согласилась.

Потому что у нее не было выбора? Или же потому, что привыкла так жить. Исполнять его приказы. Соблазнять, добывать для него информацию, ложиться в постель с мужчинами по прихоти Михаила.

В покои, которые ему отвели, Богдан буквально ворвался. Ярость бурлила в крови вместе с осколками Бездны, бурлила, требовала выхода. Из груди вырвалось рычание, сквозь ладони плеснула сила. Поток прокатился по комнате, сметая все на своем пути, перекрытия для балдахина не выдержали, надломились и с грохотом обрушились на пол. Похороненные под тяжелой тканью, накрыли осколки зеркала.

Спустя мгновение в покои ворвался Евгений и остальные сопровождающие.

— Все в порядке, — сказал Богдан коротко. — Позовите кого-нибудь, пусть здесь приберут.

Горничные пришли почти сразу, низко поклонились, следом пришли слуги, которые занялись ремонтом. Все это время Богдан стоял в комнате, сцепив руки за спиной. Глядя в окно и думая исключительно о том, что ему делать с Алиной.

Отказаться? Оставить ее Михаилу?

Это было бы правильно. Это было самое лучшее решение, но что-то внутри ядовито царапало, если не сказать полосовало когтями при этой мысли. Что-то знакомое, давно забытое... не имеющее право на существование. Что-то совершенно лишнее по отношению к такой женщине, как она.

О нет, он не будет от нее отказываться, он ее заберет. Пусть Михаил считает, что у него есть глаза и уши в его доме, в его стране, пусть расслабится. Пусть допускает ошибки.

Что же касается Алины... она еще пожалеет, что вздумала играть с ним в игры.

Глава 4

Алина

Еще вчера я и представить не могла, что снова увижусь с Богданом. Сегодня утром проснулась, полностью собранная в дорогу. Сундуки и чемоданы стояли у стен, поверх громоздились шляпные коробки. Разумеется, здесь были не только мои вещи, но и Снежаны, но меня собирали так, будто назад не ждали. Возможно, так оно и было, и я бы этому совершенно не удивилась. За время знакомства с Михаилом я прекрасно поняла, что он принесет в жертву кого угодно, если ему это будет выгодно, и каждый его поступок был подтверждением моим словам. Иначе бы он не отпустил Снежану со мной так легко, и именно по этой причине я не готова была оставить ее с ним. Там, где есть мой заклятый враг, Катерина, считающая, что я забрала у нее мужа.

Если бы она знала все, должно быть, долго смеялась бы. Но об этом не знал никто. Кроме меня.

— Доброе утро! Мы собрали вам завтрак в дорогу, — поклонившись, служанки расступились, чтобы я могла пройти.

— То есть как завтрак? Я думала, мы с дочерью позавтракаем здесь.

Женщины переглянулись.

— Нет, вы выезжаете немедленно, — произнесла та, что старше. Мне кажется, она даже слегка побледнела. — Таков при-

каз Верховного... потому что Вер... кавальер Велимирский не готов оставаться здесь на завтрак.

Служанки не знали, как назвать Богдана, поскольку в Северной Лазовии Верховным был он. А здесь — Михаил, и как бы не оплошать, сказав что-то не то. Хотя мне сейчас было наплевать и на дядю, и на племянника.

— Кавальер Велимирский может и не готов, — холодно произнесла я, — но моя дочь не будет есть в карете.

— Но Верховный...

— Так и передайте Верховному. Скажите, что я не готова кормить его дочь на бегу, на лету, как угодно.

Теперь уже побледнели обе: кажется, они поняли, что кому-то из них придется сообщить об этом Михаилу.

— Но...

— Никаких но, — коротко отозвалась я. — Распорядитесь подать нам завтрак к ней в комнату. Немедленно.

Подхватила юбки и прошла мимо них к дочери.

Ее спальня была напротив, соединенная общей гостиной, чтобы мы обе могли беспрепятственно попасть друг к другу в любой момент. Снежана уже тоже была одета, я предупредила Зарину, чтобы собрала ее пораньше. Увидев меня, она потерла кулаками глаза — не выпалась. В отличие от меня дочь любила поспать подольше, в то время как я просыпалась с пением птиц, она могла валяться и до обеда, если ее не поднять.

— Мама, а почему дядя такой злой? — спросила она, ши-

роко зевнув.

Не стоило труда понять, о ком она говорит, ну а я не нашла сказать ничего другого, кроме как:

— У него тяжелый характер.

— Нам точно надо к нему ехать?

Встреча с Богданом произвела на Снежану неизгладимое впечатление. Конечно, моя малышка мало что понимала в нашем противостоянии, но чувствовать искрящее между нами напряжение она могла. Она с детства чувствовала отношение ко мне, и к тем, кто смотрел на меня свысока или с ненавистью, тоже относилась недружелюбно.

— Да, Снежинка.

— Хочешь, я плюну ему за шиворот?

— Это кто тебя такому научил?!

У Зарины заалели щеки, но и без того становилось понятно, кто. Снежана росла без друзей, Михаил запрещал ей общаться с детьми прислуги, а с детьми аристократии она не общалась по понятной причине. Пожалуй, он мог бы надавить и заставить общество ее признать, но его полностью устраивало положение дел. Впрочем, как и меня. Следить за тем, чтобы Снежану не обидели науськанные матерями (подругами Катерины) дети было бы гораздо сложнее.

Почему-то именно сейчас, в этот момент я задумалась об этом с совершенно иной точки зрения. Да, я проводила с ней очень много времени, мы вместе играли, были счастливы, но дочери, должно быть, не хватало общения со сверстниками.

Если может не хватать того, чего ты и вовсе не знала.

— Простите, — пробормотала няня, заправляя густые черные вихры, выбившиеся из косы, за уши. Несмотря на смуглую кожу, она краснела все сильнее и сильнее. — Я просто говорила с подружкой... про ее кавалера, что плюнуть бы ему за шиворот после всего, а Снежана слышала.

Несмотря на ситуацию, мне почему-то стало смешно. Так смешно, что я с трудом сдержала улыбку, а вот в голос веселье все равно прорвалось. К счастью, ни Снежана, ни Зарина этого не заметили.

— Никому мы за шиворот плевать не будем. — Справившись с первым желанием рассмеяться, я добавила в голос чуть-чуть строгих нот: — Так не поступают воспитанные девочки.

— А как поступают? — задрав голову, поинтересовалась дочь.

— Ты о чем?

— Ну как поступают воспитанные девочки с невоспитанными мальчиками?

Вопрос поставил меня в тупик, поскольку дверь в спальню моей дочери распахнулась, явив всем «злого дядю». То есть Богдана. Я первая поняла, насколько он зол, потому что именно это спокойное, безгранично спокойное выражение его лица, запечатленное как слепок маски, я помнила хорошо. Бьющаяся в его глазах Бездна, чью силу я ощутила еще с порога, ни мне, ни Снежане не могла причинить вреда. А

вот Зарина пошатнулась сразу, ее лицо мгновенно утратило краски.

Внутренняя магия уже давно не давала мне воспринимать Бездну, как что-то чужеродное, поэтому лишь по состоянию служанки я поняла, насколько он в бешенстве.

— Собирайся, — жестко произнес он. — Мы выезжаем сейчас и ни минутой позже.

Какое счастье, что вчера мне не пришлось присутствовать на ужине «в его честь». Михаил, по всей видимости, счел гораздо более важным мои сборы и не стал меня выдергивать, я же провела приятный вечер с дочерью. Вместо того, чтобы тратить его на пустые разговоры и общение с теми, с кем даже за одним столом сидеть не хочется.

— Не смею задерживать, — вскинув голову, произнесла я. — Что касается нас, я уже сказала служанкам, повторяю и тебе...

— Да-да, дочь Михаила не будет есть в дороге, — произнес он, словно выплюнул. Снежана даже съежилась под его взглядом. — Но я выезжаю сейчас, и вы вместе со мной. Не захотите завтракать в дороге, будете есть в Талминбурге. Не заставляй меня повторять, Алина.

Мое имя в его устах прозвучало резко. Так мощно ударило по натянутой между нами струне, что она порвалась и хлестнула по сердцу. На мгновение оглушив, вытряхнув из состояния, в котором я находилась все эти годы, и его, судя по всему, тоже. Потому что на мгновение резкость ушла

из его черт, сменившись давно забытым, неестественным на этом изменившемся лице выражением. Должно быть, именно это стало последней каплей, заставившей меня совершить роковую ошибку.

— Вон, — севшим голосом приказала я, — убирайся!

И указала ему на дверь.

Такого не ожидал никто: ни слегка порозовевшая в момент отступившей Бездны Зарина, ни Снежана, ни я, ни Богдан. Лишь на мгновение в его темных глазах мелькнуло замешательство, а после он в два шага преодолел расстояние между нами, подхватил меня и перекинул через плечо. От резко переменившегося положения сначала перехватило дух, потом потемнело перед глазами.

— Ты, — бросил он Зарине коротко, — веди ребенка следом.

И, не дожидаясь ответа, вышел. В момент, когда мы оказались под взглядами его сопровождения в коридоре, я опомнилась.

— Поставь! — прошипела я. — Поставь меня на пол! Немедленно!

— Надо было думать раньше, — холодно ответил Богдан, — когда я предлагал тебе просто пойти со мной.

Болтаться у него на плече как кулек было не просто неудобно, унижительно. Но еще гораздо более унижительно сейчас было начать колотить его кулаками или брыкаться, особенно на глазах у дочери. Учитывая, что силы Богдана

хватило на то, чтобы перекинуть меня как пушинку, не было ни малейших сомнений в том, что мои попытки освободиться ни к чему не приведут. Оставались переговоры, и те судя по всему зашли в тупик.

— Ты пожалеешь, — пообещала я.

Богдан ничего не ответил. Он шел так быстро, что порывы воздуха холодили лицо. Какую радость он сейчас доставил всем моим недругам! Рассказы о том, что Верховный Северной Лазовии тащил меня по коридору вверх тормашками наверняка порадуют Катерину и ее дочерей. И всех, кто считает, что мне здесь не место.

Это была такая ерунда, такой пустяк, смешно право-слово, но в глазах почему-то предательски защипало. Впервые за долгое время я была близка к тому, чтобы разреветься, и... из-за чего?! В моей жизни было столько опасности, но ни одно событие не заставляло меня чувствовать себя такой уязвимой, как сейчас.

В ушах грохотал пульс, вторя его ритму звучали шаги Богдана и его сопровождения. А я не могла даже обернуться, чтобы посмотреть, где там моя дочь с Зариной, они же не умеют ходить так быстро! Что, если они отстанут? Что, если Богдан их с собой не возьмет?

На миг меня накрыло холодным липким страхом и беспомощностью, лишь усилием воли я напомнила себе, что я не просто выжила и спасла свою дочь. Я заставила всех считать-ся со мной, включая Михаила. Даже его! Насколько он во-

обще способен с кем-то считаться, но я это сделала. Я победила. И никто, никогда больше не заставит чувствовать себя беспомощной!

Любая дорога заканчивается, вот и эта закончилась, сначала ступеньками, потом легкой прохладой летнего утра, а следом, когда Богдан все-таки поставил меня на ноги возле магической кареты, вернулись и сила, и уверенность.

Напротив, когда наши взгляды с Богданом столкнулись, я почувствовала себя полной сил.

— Пусть это послужит тебе уроком, — жестко произнес он. — Когда я говорю, ты идешь — и делаешь.

Его сопровождающие остановились чуть поодаль, и среди них я первым выхватила Евгения. Тот опустился на корточки рядом с моей дочерью и что-то ей рассказывал, Снежана слушала его, открыв рот.

— Хороший урок, — произнесла я. — Теперь я знаю, что вы с Михаилом похожи больше, чем сами того хотите.

У Богдана дернулась щека.

— Не тебе жаловаться, Алина, — на этот раз мое имя он выплюнул. — Ты с ним делила ложе. И не только с ним, со всеми ему угодными и негодными. Сколько их побывало в твоей постели?

Меня снова обожгло, если не сказать опалило. Но оплошности, допущенной у дочери в спальне, я повторять больше не собиралась.

— Пусть это тебя не волнует, Богдан, потому что ты боль-

ше в ней не окажешься, — я улыбнулась. — По крайней мере, по моей воле, или ты и в этом теперь похож на своего дядю?

Бездна всколыхнулась так, что вокруг в один миг стало тихо. По ощущениям даже ветер замер, боясь потревожить листву и такую силу, но я на Богдана даже не взглянула, посмотрела на няню с дочерью и помахала им рукой. Спустя мгновения Евгений уже подал мне руку, чтобы помочь взойти на подножку, следом посадил Снежану. Последней к нам забралась Зарина.

Мы устроились на мягких сиденьях, и я притянула дочку к себе. Магия, конечно, смягчит скорость, но Снежана вечно вертится, как юла.

— А дядя Евгений совсем не злой, — сообщила дочь. — Он обещал научить меня кататься на лошади! Если ты разрешишь. Ты же разрешишь, мама?

— Когда подрастешь, — напомнила я. — Мы же уже говорили с тобой об этом, Снежинка.

— Мам, я уже выросла! Ну ма-ам...

Карета тронулась, почти мгновенно набрала скорость. Снежана, разумеется, забыла про лошадей и прилипла к окну, а я смотрела на нее и думала о том, что с каждой минутой становлюсь все ближе к тому, чего так отчаянно пыталась избежать.

Глава 5

Алина

Три с половиной часа — и мы в Талминбурге. Разумеется, будь мы обычными путешественниками, на границе бы простояли чуть дольше, но мы обычными путешественниками не были. Да и артефакты на скоростных каретах Богдана и Михаила стояли самые мощные, позволяющие преодолевать большие расстояния гораздо быстрее.

Талминбург встретил нас мелким дождем, который закончился почти сразу, как мы въехали в город, сыростью и привычной суетой большого города, из-за которой наше движение по его временами чересчур узеньким улочкам существенно замедлилось. Снежана уже устала, начала капризничать, и я ее понимала. Когда мы ехали быстро, путешествие казалось увлекательным, сейчас же, когда карета двигалась еле-еле, из-за обилия других карет и толкотни, терпение начинала терять даже я. Что уж говорить о ребенке.

— Потерпи, дорогая, скоро приедем, — сказала я дочери, когда она в очередной раз дернула шторку, чтобы посмотреть, сколько мы проехали.

Правильный ответ: почти нисколько. Мы как стояли рядом с трехэтажным темно-серым особняком, прячущимся от городской суеты за массивными воротами, так и стояли. Правда, правое крыло осталось чуть в стороне, теперь мы

двигались вдоль левого. С улицы доносились крики возниц, цокот копыт лошадей: скоростные кареты позволить себе могли даже не все бестиары или свободные люди.

А свободными на землях Богдана были все, и сама мысль об этом казалась сейчас такой правильной, что даже давящая атмосфера северной столицы казалась не такой уж тяжелой. Повинуясь какому-то порыву, я тоже отодвинула шторку и выглянула на улицу, правда, смотрела не на дома, а наверх.

Низкое свинцовое небо словно стремилось упасть на нас всей своей тяжестью и навсегда запечатать в рукаве улицы. В тот момент, когда я об этом подумала, рядом с дверцей оказался Богдан. Он шагнул к нам настолько стремительно, что я не успела отпрянуть, поэтому наши взгляды снова столкнулись.

От этого прямого удара глаза в глаза сердце забилося так быстро, что даже в свежести салона, обеспеченной артефактами, дышать стало сложно. Я мысленно напомнила себе о том, что произошло несколько часов назад, о том, что этот мужчина — совсем не тот, кого я когда-то знала, и это помогло.

Сердце выровняло ритм и даже не дрогнуло, когда дверца открылась.

— Выходи, — скомандовал Богдан. — Поедешь со мной верхом.

Для того, кто освободил половину Лазовии, он слишком привык приказывать людям, что делать. С другой стороны,

свободными здесь были все, кроме меня.

— Не поеду, — спокойно отозвалась я. — У меня дочь, и я ее не оставлю, а Снежана слишком мала, чтобы путешествовать верхом.

— Зато слишком взрослая, чтобы просидеть здесь еще несколько часов, пока мы, наконец, доберемся до дворца? Она поедет с Евгением. Выходи.

Как бы мне ни хотелось ему возразить (чисто из духа противоречия!), я поняла, что он прав. Если постоять здесь еще хотя бы час-полтора, легче Снежане не будет. Да, ради нее останавливали карету на кромке леса, когда она запросилась в туалет. Среди аристократии это было недопустимо, но я не стала играть в приличную мать, пока мой ребенок мучается. Сейчас она опять начинала ерзать, и я кивнула.

Евгений Снежане понравился, и я ему доверяла. По крайней мере, тому бестиару, которого знала в прошлом. В отличие от Богдана.

— Снежинка, ты хотела покататься на лошади, — я вернулась к дочери.

— Что?! Правда?! — Глаза ее загорелись, она мигом забыла обо всех неудобствах и о нескольких часах в дороге. Подскочила, бросилась к дверям, и Евгений, появившийся рядом с Богданом, подал руку сначала мне, а после снял мою маленькую егозу.

Покататься верхом было мечтой дочери, но, разумеется, до этого дня она верхом не ездила. Михаил ни разу не по-

садил ее к себе даже чтобы проехать до ворот конюшни, тем более это запрещалось остальным. Зная, чем чревато нарушение его запретов, никто не хотел рисковать, поэтому Снежане оставалось только смотреть на лошадей и вздыхать. Иногда мы ходили их кормить, и она с такой радостью протягивала им кусочки сахара или яблоки, что, глядя на это, я не могла не улыбаться.

Вот только сейчас, когда мы подошли к лошадям, случилась заминка. Лошадь Евгения, серая в яблоках кобылка Снежане понравилась, но на жеребца Богдана, хьердаррского амазина, она смотрела, не мигая. Возможно, дело было в том, что конь Михаила был той же породы. А может быть, в том, что он и впрямь был невероятно красив и статен. Янтарные глаза, черная, как смоль, шелковистая грива. Только в отличие от скакуна Михаила, в его масть вплетался дымчатый, как туман поутру, цвет.

Я не успела Снежану остановить, когда она произнесла:
— А можно я на этом поеду?

Увидела только, как полыхнули глаза Богдана, и приготовилась к худшему, но вместо этого он лишь коротко кивнул. Я не успела удивиться, как он уже оседлал коня, а после подхватил мою дочь и усадил перед собой.

— Держись крепче, — скомандовал он, пока Евгений помогал забраться на лошадь мне. Что было весьма кстати: я отлично ездила верхом, могла справиться со всем сама, но не в таком платье. И не тогда, когда постоянно косилась на

то, как Богдан прижимает к себе нашу дочь. Как его сильная ладонь ее держит, как тонкие пальчики Снежаны цепляются за край седла, как легко он управляется с поводьями одной рукой.

На нас глазели: разумеется, из-за Богдана, но это я поняла уже когда мы сорвались с места. Снежана завизжала, и я дернулась, но потом поняла, что она кричит от восторга. Такой счастливой я свою дочь, кажется, никогда не видела.

Я никогда раньше не видела ее вместе с отцом.

Верхом мы преодолели расстояние до дворца достаточно быстро, и спустя полчаса нам уже распахивали ворота, слуги кланялись, а у широких, ведущих наверх ступеней стоял конюх, который принял из рук Богдана и Евгения поводья.

— Ваши вещи доставят так скоро, как смогут, — пообещал мне Евгений, — но ваши комнаты уже готовы, так что пока сможете прийти в себя после дороги и отдохнуть. Обед вам принесут прямо в покои.

Я не успела его поблагодарить, ко мне бросилась счастливая Снежана, которая с горящими от восторга глазами принялась рассказывать, как это было невероятно. Правда, под тяжелым взглядом Богдана она слегка стушевалась и замолчала, но я все же успела произнести:

— Спасибо тебе.

В этот миг я была искренне ему благодарна за то, что не оттолкнул дочь, за то, что подарил ей эти мгновения. В этот миг я подумала, что, возможно, внутри него все еще живет

мужчина, которого я знала, и пусть эта короткая надежда была опасна, я ощутила, как внутри расцветает что-то давно забытое, яркое. Живое.

— Не думай себе лишнего, Алина, — сухо произнес Богдан. — Я посадил ее к себе исключительно потому, чтобы не ехать рядом с тобой.

Он сказал это таким тоном, что Снежана вздрогнула. Цветок внутри тоже, он не успел закрыться, сразу осыпался пеплом. Вместе с моей благодарностью, которая покрылась коркой льда, как его черствое сердце!

— Больше никогда не подумаю, — ответила я, и с того времени на него не смотрела.

Мы поднимались по ступеням в коридоре слуг, и, будто мало было всего этого, стоило нам шагнуть в просторный, залитый холодным дневным светом холл, как к нам бросились двое мальчишек. Темноволосых, темноглазых, похожих на Богдана, а между собой — как две капли воды.

— Папа!

— Папа!

— Мирон. Матвей, — холодно произнес Богдан, но посмотрел поверх их голов на запыхавшегося мужчину, очевидно, гувернера.

— Простите, кавальер, не уследил. Они как узнали, что вы приехали...

Оправдаться тот не успел, потому что в холле раздалось: — Мальчики! Мы же договорились, что вы дождетесь от-

ца на занятиях.

И дети бросились к ней, не сговариваясь.

С того самого дня, как я видела Анну в первый и последний раз, она стала еще красивее. Огненные волосы, уложенные в высокую прическу, ярко-синее платье в цвет глаз, изящные запястья, украшенные такими же тонкими браслетами. Она была сама утонченность, никаких кричащих украшений, все изысканное, как эталон женской красоты и изящества.

Стоило гувернеру увести мальчиков, как она повернулась к нам. Посмотрела на Богдана в упор и сказала:

— Ты привез ее?! Потрясающе!

Все это она проделала с таким выражением лица, будто задавала тон светской беседе, не глядя на нас со Снежаной, словно нас не существовало.

К счастью, Евгений передал нас в руки служанки, которая должна была проводить меня и дочь в наши покои, и дальнейший разговор я не слышала.

Мы шли по незнакомому дворцу, и я чувствовала себя удивительно спокойно. Настолько спокойно, что даже страшно, потому что в этом спокойствии не было ничего от того, что принято называть спокойствием. Так, должно быть, чувствует себя человек, которого накрыло лавиной или который застыл в глыбе льда.

Мне казалось, что умение обуздать свои эмоции — моя сильная сторона, но сейчас я не была в этом так уж уверена.

Слова Богдана, его дети, Анна, все это обрушилось на меня одновременно, и я спасалась как умела. Погружаясь в то самое состояние, в котором даже биение сердца кажется противоестественным.

Ладошка дочери в моей руке — вот то единственное, благодаря чему я чувствовала себя живой. Она не давала мне окончательно соскользнуть туда, откуда не возвращаются, туда, где становятся такими как Михаил. Поэтому когда мы остались одни, я сосредоточилась на привычных вещах: отвела дочь умыться, покормила обедом, который нам принесли. Когда я укладывала ее спать, чтобы отдохнула с дороги, появилась Зарина — они наконец-то добрались до дворца. Наши вещи принесли и развесили, разложили, только после этого я позволила себе пойти в смежную спальню, к себе.

У нас были две купальные комнаты, и я с наслаждением погрузилась в горячую ванну, которую приготовила для себя сама. От пены исходил легкий ненавязчивый аромат, по-настоящему успокаивающий, согревающий. Я думала о том, что справлюсь со всем, уже справлялась, и новое испытание — не исключение, а еще улыбалась. Этому меня научила жизнь: я обнаружила, что когда тебе невыносимо, можно начать улыбаться. Тело подстроится под эмоцию, которую ты выражаешь, а за ним и все остальное.

Всегда помогало, помогло и сейчас. Я почти расслабилась, слушая шипение пены, когда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. От неожиданности вынырнула из оку-

тавшего меня облака, не успев даже прикрыться, широко распахнула глаза и увидела Богдана.

Он смотрел на меня: хищно, жестко, холодно, но от этого взгляда, скользящего по моим губам, по плечам, по обнаженной груди, на коже вспыхивали костры, как от поднесенной свечи или от капель воска. Каждая клеточка моего тела словно плавилась от этого взгляда-прикосновения, да что там. От этого взгляда-прикосновения плавилась я вся.

Глава 6

Богдан

Он ни словом не солгал, когда говорил, что посадил ее дочь рядом, только чтобы не ехать с ней. Ему хватило мгновений, когда он нес Алину по коридору, и близость ее тела, ее аромат — мягкий, ненавязчивый, цветочный, сводили его с ума. Казалось, после стольких лет все должно быть забыто. После стольких лет, после стольких событий. Когда он знал, кто эта женщина на самом деле, что она делила ложе с Михаилом, с его друзьями и недругами, что она родила ему дочь.

Вот только стоило ее подхватить на руки, стоило снова вдохнуть запах ее волос — и мир перевернулся. словно не было всех этих лет, словно ничего не было. Только хрупкая невинность в его руках, девушка, которую он хотел защищать, уберечь ото всех и ото всего. Девушка, которую он хотел любить, назвать своей, сделать своей...

Эта мысль билась в висках, а кровь прилила к члену. Как будто в его жизни было мало женщин, мало любовниц, готовых отдаваться по первому слову. С Анной у них была негласная договоренность: не позорить ее, не выносить на публику то, что должно быть скрыто. Он и не выносил, ему никогда не хотелось повторить с одной и той же женщиной то, что было всего лишь актом плотского удовлетворения. Ничего иного в этом для него не было, кроме бесконечного

поиска: Алина, Алина, Алина.

Он искал ее в других женщинах и не находил, потому что другой такой как она не было. Но и ее тоже не было. Той Алины, которую он когда-то знал, и это сводило с ума.

— Ты мог бы хотя бы предупредить, — в словах Анны звучал откровенный упрек.

Когда они остались наедине, в его кабинете, она позволила себе больше эмоций, чем на людях, но даже сам факт того, что жена выдохнула те слова при слугах, уже о многом говорил. Бестиари до мозга костей, Анна всегда умела держать эмоции при себе и отлично справлялась со своими чувствами.

Она спокойно приняла тот факт, что их брак был и останется договорным. Это произошло через полгода после рождения Матвея с Мироном: примерно в тот день Богдан окончательно понял, что чувств к Анне у него нет. Тех чувств, которые он хотел бы испытывать к своей женщине. Все это время он пытался разжечь хотя бы сотую долю того пламени, что полыхала в его крови рядом с Алиной, но именно в тот день, несколько лет назад окончательно осознал, что это невозможно. Несмотря на все его старания, несмотря на детей, несмотря на то, что лучшей жены чем Анна сложно было пожелать.

Лучшей для кого угодно. Но не для него.

Анна тоже это понимала: женщины чувствуют такое, и она призналась ему, что ждала этого разговора. Именно тогда он

рассказал ей об Алине, но она ответила, что все знает. Оказывается, при отъезде из дворца Михаила она попросила у него девчонку в подарок. Девчонка оказалась подружкой Алины, ее звали Марика. Богдан был настолько разрушен изнутри, что даже не стал во все это вникать, кого она там тогда забирала, тем более что сначала девчонка уехала с ней и с отцом.

Их свадьба была скорой, а спустя буквально пару недель после нее Анна надела траур по отцу. Олег Петрович благодарил его на смертном одре, благодарил и желал ему долгих лет жизни, говорил, что никому другому свою дочь не доверил бы, и это стало одной из причин, по которой Богдан долгое время пытался совладать со своими чувствами и любить Анну, но... проблема заключалась в том, что он ее уже любил. Только как друга.

— Мог бы, — хмуро ответил он, глядя в синие, как небесная высь, глаза жены. — Мне жаль.

Что он еще мог сказать? Что его накрыло помешательством? Что стоило ему увидеть Алину, весь мир вылетел из головы, включая ее, и детей? Это было по меньшей мере низко, не говоря уже о том, что он даже сейчас продолжал думать о ней. Каждое мгновение, через каждое слово разговора. Думал только об Алине. Никогда не переставал.

— И что теперь? — голос Анны дрогнул. — Мы договаривались, что...

— Михаил прислал ее шпионить за мной, — сухо произ-

нес он. Сам не зная, почему каждое слово причиняет ему такую боль. — Пусть лучше она, чем кто-то, кого мы не будем подозревать.

— О... — Анна не нашла слов, глубоко вздохнула, посмотрела на него. — На этом все? Она больше ничего для тебя не значит?

— Ничего.

Ложь горчила на языке и отдавала чем-то кислым, как протухшая пища. Учítывая, что до этого дня Богдан предпочитал говорить обо всем прямо, а сейчас словно испугался своих собственных чувств. Не потому, что хотел пощадить жену, а потому что не хотел признаваться в том, что чувствует сам. Как будто фальшь могла исправить то, что полыхало внутри, то, что не давало покоя, выкручивало внутренности, заставляя сгорать как во тьме Бездны, без права на освобождение. Снова и снова, снова и снова, снова и снова.

— Богдан, — жена приблизилась к нему, коснулась его руки, — ты же знаешь, я всегда на твоей стороне.

— Знаю, — он мягко привлек ее к себе и так же быстро отпустил.

От этого стало еще хуже, а после забыться не помогла даже работа. Он отпустил Евгения и остальных, чувствуя, что все его мысли сходятся на одном. Точнее, на одной. Алина, как яд, отравляла его кровь раз за разом, сводя с ума, превращая в одержимого.

Богдан знал один-единственный способ от этой одержи-

мости избавиться: поддаться ей. Позволить захватить себя с головой, чтобы на следующее утро проснуться и понять, что это было всего лишь наваждение. Всего лишь пустота там, где раньше было что-то иное. Поэтому он направился в отведенные Алине покои.

Ее дочь спала, испуганная няня под его взглядом тут же юркнула обратно к ней в комнату. Алина же принимала ванну. Стоило ему шагнуть в купальную, как его накрыло. Накрыло гораздо жестче, чем утром, в летнем дворце Михаила. Особенно когда она вынырнула из под тумана пены, и он увидел капельки воды на ее груди. Все такой же аккуратной, с нежными розовыми сосками.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, Богдан шагнул к ней в упор, выдернул из воды, с силой вжимая в себя. Нежной кожей в грубую ткань, вплетая пальцы в мокрые волосы и впиваясь жестким поцелуем в нежные губы. Дуряя от ее сладкого вкуса еще сильнее, стягивая волосы в горсть на затылке, заставляя запрокинуть голову. Открывая взгляд нежную шею, тонкие ключицы.

В этом полубреду он почти выдохнул ее имя, забыв обо всем. Даже о том, что она здесь, чтобы шпионить, но Алина забилась в его руках. С силой, яростно, отрезвляя, а потом, рванувшись, вlepила ему пощечину, звук которой отразился от стен и заметался по купальне раненым эхом.

Алина

Поцелуй Богдана оказался таким сладким, таким хмельным, что я на миг потерялась в нем. Забыла о том, кто я, кто он, где мы, и словно снова очутилась в том жарком лете, которое мы с ним делили на двоих. Его сила, жар его тела обжигали даже через мундир, мне показалось, что кожа горит огнем, но от этого огня не было больно. Было сладко, а еще упоительно — как глотнуть прохладной воды в летний зной. После долгой, невыносимо бесконечной жажды.

И я пила его дыхание, жесткую власть его губ до тех пор, пока он не потянул за волосы сильнее. По коже скользнула прохлада, возвращая меня в реальность, а вместе с этим пришел и страх. Дикий, безотчетный, животный. Я думала, что справилась с тем, что мое тело может принадлежать кому-то насильно. Думала, что все это осталось в прошлом, но сейчас меня охватило липкой паутиной ужаса, и все, о чем я могла думать — это как вырваться.

Извернувшись в его руках, я влепила ему пощечину и ладонь обожгло. На руке отпечатался красный след, брат-близнец того, что сейчас проступал на его щеке. Самообладание ко мне вернулось вместе с хлестким звуком пощечины, а вот в глаза Богдана вернулась Бездна.

Я буквально почувствовала, как она давит на мои плечи, вместе с жесткими холодными словами:

— В следующий раз, Алина, ты за это ответишь.

подавив желание прикрыться руками, я позволила себе

выпрямиться и вернула ему жесткий взгляд.

— За то, что говорю тебе «нет»? Не привык к отказам, Богдан?

— За то, что подняла руку на Верховного Бестиара. — Он посмотрел на меня сверху вниз. — Твое «нет» не имеет силы, у шлюх согласия не спрашивают. Их просто берут.

Он оставил меня одну раньше, чем мои щеки вспыхнули от очередного «комплимента» в мой адрес. Но хуже всего было то, что моему телу было безразличен мой внезапно вспыхнувший страх и даже то, что он только что сказал. Я как горела, так и осталась в этом пламени, не спасала даже вода, которая на коже сейчас казалась просто ледяной.

Я снова опустилась под пену, но спокойствия как не бывало. Каждая клеточка моего тела пульсировала, требуя продолжения начатого, желая снова ощутить власть его рук, его губ, его силы. Несмотря на то, что в этом дворце, под этой крышей были его жена и дети.

Чувство вины кольнуло под сердце, но если бы я позволяла ему всякий раз брать над собой верх, уже бы вышла в окно. Поэтому сейчас просто прикрыла глаза, позволяя себе глубоко дышать, а потом опустила руку под воду, между своих разведенных бедер.

Первое же прикосновение заставило дернуться и вздрогнуть, таким острым оно вышло, но уже в следующий миг я шире раздвинула ноги. Движения собственных пальцев в воде ощущались чужими, и я, как бы того ни хотела, не могла

избавиться от стоящего перед закрытыми глазами лица. Вода покачивалась вверх-вниз, в такт моим бедрам, пена скользила по коже, лаская ставшую невыносимо чувствительной грудь.

Я замерла, повторяя пальцами контур ключиц, в воспоминаниях все еще обжигаясь о грубую ткань мундира. Вжимаюсь сосками в металл пуговиц и знаков отличий. Скользнула второй рукой чуть ниже, до боли сдавив сосок, и наслаждение пронзило тело острой, почти болезненной вспышкой.

Я застонала и впилась зубами в плечо, сводя бедра, чтобы продлить тянущую между ног пульсацию, такую яркую, какой не было уже давно. Безумно, безмерно, бесконечно давно. Пульсацию, созидающую меня изнутри своей сладостью, освобождающую, раскрывающую, заставляющую чувствовать себя наполненной. Сильной.

Живой.

Не знаю, сколько потом я лежала в ванной, приходя в себя. Помню только, что застала себя за тем, что отжимаю волосы и поднимаюсь. Халат ждал меня на небольшом пуфе, и я с наслаждением в него завернулась.

— Все будет чудесно, — сказала я своему отражению.

Раскрасневшемуся, с припухшими от поцелуя Богдана губами.

И добавила:

— Мы справимся.

Я знала, что так и будет, потому что в соседней комнате

спала моя дочь. Девочка, ради которой я не имела права сдаваться.

Глава 7

Алина

— Мамочка, мне здесь не нравится, — сказала Снежана, — когда мы поедем домой?

Когда Михаилу в голову взбредет, подумалось мне. Вслух я, разумеется, такого сказать не могла: для Снежаны он был отцом. И не худшим отцом, что удивительно. Мне казалось, к своим дочерям он относился гораздо холоднее и жестче, чем к ней. Что не отменяло факта его готовности использовать Снежану и всех остальных для укрепления своей власти.

Сейчас я могла только догадываться, что он задумал. Оставаясь рядом с ним изначально, я хотела не только защитить свою дочь. Я хотела выяснить, что произошло в доме Семена и Марии, каким образом он устроил тот пожар, через кого, но мне это так и не удалось. Михаил делился со мной исключительно тем, в чем я могла быть ему полезна. Может быть, я и знала гораздо больше остальных, но недостаточно. Со временем и главные цели поблекли, словно потеряли значение и силу.

Я сама потерялась.

— После того, как приедет папа.

Раньше меня так не коржило, когда я называла Михаила

ее отцом, сейчас же словно кость поперек горла встала. От этой лжи, ставшей на удивление привычной, сейчас захотелось помыться.

— А когда он придет?

— Не знаю, милая. Ешь.

Снежана завтракала неохотно, даже несмотря на то, что я отпустила Зарину и занималась ей сама. Няне тоже было не по себе, я это видела, вчера после ужина с прислугой она вернулась сама не своя, расстроенная, и мне так и не удалось выведать, что же там приключилось. В конце концов я решила, что когда придет время, расскажет сама.

За окном уже с утра светило яркое солнце, небывалая щедрость погоды для Талминбурга. На небе не было ни тучки, что обещало нам возможность пойти погулять.

— Злой дядя будет постоянно к нам приходиться?

Я вспомнила вчерашний визит Богдана и поперхнулась. Закашлялась, а дочь тут же подскочила и принялась хлопать меня по спине своими крохотными ладошками.

— Ты вчера... что ты слышала?

— Слышала, как он пришел, потом больше ничего.

Я глубоко вздохнула и порадовалась, что разучилась краснеть. Или почти разучилась, по крайней мере, полыхать ко-стром от стыда перед дочерью мне точно не хотелось.

— Нет, думаю больше он не придет.

Хотелось бы верить. Очень хотелось бы, и тот Богдан, которого я знала раньше, действительно не пришел бы. Но

этот... другой, чужой, опасный и еще более притягательный, на которого мое тело отзывалось так, словно не могло насытиться его близостью после долгой разлуки... его я совершенно не знала. Не знала, что от него ожидать, точно так же как и не знала, чего ожидать от себя рядом с ним.

— А зачем вчера приходил?

Да, про свой талант не краснеть я задумалась рано.

— Хотел обсудить условия нашего пребывания здесь.

— Условия?

— Да, это... как мы здесь будем жить, что нам можно, а что нельзя.

— Нам что-то нельзя?

— Нельзя плевать людям за шиворот, например. Даже самым злым.

Снежана засмеялась, а я лишь мысленно поблагодарила всех, кого можно, что переключилась с опасной темы.

— Гулять нам можно? Я хочу гулять!

Снежану за уши было не вытащить с улицы, поэтому во время обучения она часто считала ворон, глядя в окно и представляя, что будет, когда закончатся занятия. Здесь она, судя по всему, от занятий освобождена, и... что же, пожалуй, это пойдет ей на пользу. Немного отдохнет, поживет без постоянных надзоров гувернантки, музыки, чтения и счета.

— Да, я думаю можно, милая. Сейчас Зарина вернется, я отправлю ее узнать, как и где мы можем подышать воздухом.

— Ура! Ура! Ура!

Снежана подскочила со стула и принялась хлопать в ладоши.

За радостью дочери я забыла даже спросить вернувшуюся няню, как прошел ее завтрак, вспомнила только, когда она вышла за дверь. Но, судя по тому, как Зарина выглядела сегодня, уже гораздо лучше, чем вчерашний ужин.

Пока я собиралась, раздумывая, что надеть на прогулку, а что взять с собой, Снежана читала свою любимую книгу «Потерянная бестиари» с невероятно красивыми картинками на страницах. Сказка была о девочке из аристократической семьи, которую воспитала бедная женщина. Она попала к ней после нападения злого жаждущего власти бестиара на ее родителей, который их и убил. Впоследствии она повстречала прекрасного бестиара, все, разумеется, выяснилось, зло было наказано, а девушка стала счастливо жить со своим возлюбленным.

Дочь могла перечитывать ее и рассматривать картинки часами, поэтому я не особо прислушивалась к тому, что происходит в ее комнате. Погруженная в свои мысли, перебирала вещи, а очнувшись от того, что слышала мальчишечьи голоса.

От неожиданности сначала замерла, потом бросилась в ее спальню, готовая снова защищать свою Снежинку теперь уже от сыновей Богдана. Почти ворвалась к ним, когда услышала не по-детски серьезное:

— Меня зовут Мирон, а это Матвей. Не перепутай.

В голосе мальчика не было враждебности, и я остано-

лась. Решила послушать.

— Как вас можно перепутать? — серьезно спросила дочь.
— Вы же совсем разные!

Я стояла у стены и в приоткрытую дверь могла видеть мальчишек. В самом деле похожих как две капли воды.

— Нас даже мама путает! И папа! — возмутился тот, что стоял поближе ко мне.

— А я не буду!

— Будешь!

— Не буду!

— Хорошо, отвернись, а потом скажешь, кто из нас кто.

Никогда не понимала, зачем близнецов одевать одинаково. В белых рубашках с жабо, темно-синих брюках и темно-синих камзолчиках они выглядели как зеркальные отражения друг друга. Я вот при всем желании их бы не различила, особенно учитывая, что они все равно для меня одно лицо: Богдан. Таким Богдан наверное был в детстве. При мысли про маленького Богдана все внутри сжалось, и я запретила себе думать об этом. О том, чьи это дети — тоже. Может быть, это малодушие, но я пока не могу. Не готова, это слишком больно.

— Поворачивайся! — скомандовал не то Мирон, не то Матвей.

Снежана повернулась и подошла к ним, теперь я могла видеть и ее.

— Ты Мирон, — она беззастенчиво ткнула пальцем в

грудь одному, а второму просто кивнула. — Ты Матвей.

Близнецы переглянулись.

— Да. Как ты угадала? — спросили чуть ли не хором.

— Я же говорю: вы разные.

— Хм. — Произнес Матвей (я запомнила!) — А ты интересная.

— Ты тоже ничего, — снисходительно отозвалась моя дочь. — И ты.

Продолжение разговора я не услышала, потому что вернулась Зарина, и близнецы, услышав хлопнувшую дверь, мигом обернулись. Я же поспешно повернулась к няне, которая открыла было рот, чтобы что-то сказать. Но тут тоже увидела близнецов, всплеснула руками и ахнула.

— Вот же сорванцы! Весь дворец на уши поставили, вас там все ищут.

— Не надо нас искать, мы уже взрослые! — насупился то ли Мирон, то ли Матвей (у меня они опять перепутались).

— Мы знакомиться пришли, — возмущенно произнес второй. — И вообще, мы кавальеры!

— Зарина, отведи мальчиков в их покои, — попросила я.

— Но мы не хотим уходить!

— Да! Мы еще только познакомились!

— Мам, а можно они останутся?

Дети атаковали меня сразу все, поэтому пришлось отвечать по порядку:

— Сначала нужно спросить разрешения у вашей матери

или у гувернера. Поэтому — на выход, молодые люди, — я посторонилась, чтобы их пропустить, и два надутых кавальера гуськом потопали мимо меня. — Снежана...

— Мам, но мы же сможем играть вместе? — спросила дочь. — Ты же разрешаешь? Если их мама разрешит?

Снежинка смотрела на меня с такой надеждой, что я просто не смогла отказать. Тем более что за меня это наверняка сделает Анна, а мне совсем не хотелось быть той, кто разрушит радость дочери.

— Да, — ответила я. — Да, я разрешаю.

Кавальеры заулыбались и зашагали вслед за Зариной уже более бодро, а я подошла к Снежане и опустилась рядом с ней на корточки.

— Тебе они действительно понравились, Снежинка? — спросила, глядя ей прямо в глаза.

— Да, они хорошие! И совсем не злые, как тот дядя. Я очень хочу с ними играть!

В ней было столько надежды, что у нее правда получится, что у нее наконец-то буду друзья, что я поддалась минутной слабости и, обняв ее, мысленно поклялась, что не сделаю ничего, чтобы воспрепятствовать этой дружбе. Более того, в этот момент я готова даже была говорить с Анной, если она не захочет, но говорить мне пришлось не с Анной.

Потому что сыновьям приближаться к Снежане запретил не кто иной, как Богдан. Он же запретил нам гулять.

Глава 8

Алина

— Что значит — нам запрещено выходить? — переспросила я Зарину после таких новостей. — Ребенку нельзя без свежего воздуха!

— Я... я только передаю, что мне сказали, — растерялась няня. — Кавальер Велимирский против того, чтобы вы покидали дворец. Вы можете выходить на балкон...

Под моим взглядом девушка поперхнулась и закашлялась: видимо, он был зверский.

На балкон выходить?! Он у меня сейчас сам с балкона выйдет!

За годы тесного общения с Михаилом я привыкла ко многому: ко лжи и фальши, к тому, что приходится поступаться своими чувствами и интересами. К тому, что случается общаться с теми, кто мне неприятен, не привыкла я только к одному. К тому, что можно обижать мою дочь! Никогда никому не позволяла, и этому... кавальеру Велимирскому тоже не позволю.

— Побудь со Снежаной, пожалуйста, не отходи от нее, — попросила я, а сама направилась к дверям. Если честно, я смутно представляла, где в талминбургском дворце искать вышеозначенного кавальера, но когда это меня останавливало?

Я спросила об этом у первого же стражника, и тот с непробиваемым лицом сообщил, что им запрещено со мной разговаривать. Та же история произошла со служанкой, которая потом еще и убежала от меня, как будто боялась чем-то разиться.

Не представляю, что Богдан им сказал, и чем запугал, а главное — когда успел, но внутри я просто закипала. Чувствовала это даже на уровне магии, из-за которой невидимые руны проступали на коже. Я ощущала это под платьем, и заводилась еще сильнее. Никто никогда не выводил меня из себя настолько, чтобы себя раскрыть! И сейчас я не имею права этого делать, хотя с помощью магии могла бы найти его в считанные минуты.

Что ж, если придется открывать каждую дверь и заглядывать в каждую комнату, я так и сделаю. С такими мыслями я буквально летела через анфиладу. Длинную, залитую солнечным светом, играющим на росписи и в позолоте.

Ненавижу его! Ненавижу! Как же я его ненавижу!

— Какая встреча!

Сначала мне показалось, что я ослышалась, но, обернувшись, убедилась, что с моим слухом все в порядке. Перед мной стояла не кто иная, как Марика, разве что выглядела она сейчас иначе. Темные волосы были уложены в роскошную аристократическую прическу, платье тоже было под стать. Выдавали ее разве что драгоценности: она была ими увешана: дорогими, с крупными камнями, напоказ.

— Что, не ожидала меня здесь увидеть, подруга? — Марика растянула губы в улыбке. — А я вот, как видишь, отлично живу. Анна Велимирская была настолько добра, что не просто забрала меня с собой, но и сделала своей камеристкой. Когда все люди Лазовии стали свободны, приняла меня как фрейлину. Тебе не так повезло, насколько я понимаю?

Она посмотрела на меня свысока, явно надеясь, что я сейчас почувствую себя рядом с ней маленькой и несчастной.

— Счастлива за тебя, — привычно вытолкнула из себя пустые, ничего не значащие слова. Хотя потрясение от встречи немного перебило злость на Богдана, и на том спасибо. — Тебе не запрещено со мной разговаривать?

Марика заморгала, она явно не ожидала, что наша беседа примет именно такое направление.

— Мне никто ничего не может запретить! Я свободная женщина! — высокопарно произнесла она.

— В этом дворце всем запрещено со мной разговаривать, — пожалала плечами я. — Вероятно, и фрейлинам Анны тоже, просто ты еще об этом не знаешь.

— Ты не поняла! — Марика надменно вскинула бровь. — Я здесь на особом положении!

— Как это чудесно. В таком случае тебе не составит труда рассказать мне, как найти кабинет кавальера Велимирского.

— С чего бы мне тебе помогать?

— Потому что ты свободная женщина и можешь себе позволить оказать снисходительную услугу мне, которой не так

повезло.

— А и вправду, — насмешливо произнесла бывшая подруга. — Отведу тебя, посмотрю, как он тебя вышвырнет.

— Ты невероятно мила, — ответила я с тем же выражением лица и легкой полуулыбкой. Зная, что именно это раздражает больше всего: когда тебя нельзя вывести из себя, люди, которые всеми силами пытаются тебя задеть, приходят в бешенство.

Конечно, Марика могла отказаться мне помогать, но я сделала ставку на ее ненависть ко мне и желание мне навредить, в том числе она в самом деле рассчитывала посмотреть, как Богдан вышвырнет меня из кабинета. Для нее это, видимо, был бы величайший позор, для меня всего лишь проходной момент. Если я что и поняла за всю свою жизнь, так это то, что унизить тебя не может никто, пока ты сама этого не позволишь. Даже на эшафот можно взойти с высоко поднятой головой.

Несколько минут — и вот я уже перед кабинетом Богдана. Стражники, разумеется, заслонили мне путь, заслужив снисходительную улыбку моей сопровождающей.

— Вас не ожидают, — сообщил мне усатый мужчина, выше меня на голову.

— Придется выделить минутку, — спокойно ответила я.

— Уходите.

— Богда-а-а-ан! — Эхо моего окрика заметалось по коридорам, точно так же заметались глаза охраняющих его ка-

бинет мужчин. Марика распахнула рот. Я собиралась повторить, когда дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возник злой как сто тысяч тварей Бездны кавальер Велимирский.

— Я занят, — повторил он таким тоном, что все присутствующие — начиная от его секретаря за спиной и заканчивая Марикой с охраной вросли в пол.

— Я много времени не отниму. Мне просто нужно, чтобы у моей дочери были соответствующие условия. Разрешите нам гулять — и больше ты меня не увидишь.

— Нет.

— В таком случае я буду стоять здесь и орать, как желающая кота кошка, пока тебе не надоест.

Покраснел почему-то секретарь, один из стражников поперхнулся, Богдан же резко отступил в сторону, покровительственным жестом указав мне на возможность войти. Я не торопилась, поэтому пока мы прошеествовали против секретаря и оказались за еще одной дверью, до того распахнутой, а после резко захлопнувшейся от силы Богдана, Бездна в его глазах набрала мощь.

— Чего ты добиваешься?! — прорычал он, даже не предлагая мне сесть. — Тебе совершенно наплевать на репутацию и этикет?

— От моей репутации давно ничего не осталось, а этикетом я готова поступиться, когда речь идет о Снежане. Давно ты стал использовать детей в своих давних обидах, Богдан? Она тебе ничего не сделала!

Мой голос не дрожал только потому, что я понимала: нельзя себе позволять слабость. Сейчас нельзя. Теперь, кажется, нельзя будет всю жизнь.

Если раньше в моих снах Богдан выступал защитником, он приходил меня и спасал, забирал нас со Снежаной от Михаила, то в последние годы таких снов стало раз-два и обчелся. Реальность же оказалась еще гораздо более прозаичной.

— Я никого не использую, — процедил он. — Ты здесь, чтобы шпионить для Михаила, и хочешь, чтобы тебе был оказан радушный прием?

— Я сюда не просилась!

Я все-таки сорвалась на отчаянный крик, хорошо хоть слезы сдержала. Мне было больно не столько за себя, сколько за дочь, которая на самом деле была его дочерью.

— Ты пожелал забрать меня, как игрушку, Михаил решил это использовать. Но Снежана здесь ни при чем.

— Верно. Тебе следовало просто оставить ее с отцом.

Вместо ответа я схватила пресс-папье и запустила в него. Богдан легко увернулся, а вот его шкаф увернуться не смог, стекло посыпалось на пол, опасными искрами разлетевшись по полу.

Его глаза холодно сверкнули, очевидно, он только что взял Бездну под контроль.

— Странно, что Михаилу удавалось тебя подкладывать под кого-то с такими манерами, — выплюнул он.

— Возможно, дело в том, что другие не вели себя, как

последние твари, — не осталась в долгу я.

Бездна вернулась, а вместе с ней вернулось что-то другое. Незнакомое и жестокое. Я не видела такой жестокости в его глазах никогда.

— Хочешь, чтобы твоя девчонка чувствовала себя как дома? — произнес он. — Вставай на колени и отработай. У игрушек нет смысла, если не использовать их по прямому назначению.

Словами о том, что Снежана — это его девочка я чуть не подавилась. Они стояли у самого сердца, а теперь разлетелись осколками, как ранее минутой стекло. От этих осколков сначала стало очень больно, потом очень холодно. Руны на коже полыхнули так, что на контрасте показалось, в меня впились клеймящие жала по всему телу.

Магия хлынула в меня, сквозь меня, и он это почувствовал. Сразу же. Удивиться не успел, потому что я никогда никому не позволяла удивляться. Сложившиеся под натренированными пальцами руны создали полог тишины и ударили в него раньше, чем Богдан успел опомниться.

Я знала, как это действует, потому что видела такое сотни раз. Знала, что должна сделать. Как это было всегда. Мужчины под моей властью видели то, что хотели: как я отдаюсь им в самых немыслимых позах. Как они делают со мной самые грязные вещи, я играла их тайными фантазиями, как хотела. Здесь надо было сделать то же самое, а потом развернуться и выйти, оставив Богдана с мыслью, что я обслужила его по

полной.

Получить нужное мне разрешение так.

Но я была зла. Я была очень зла, и эта ярость кипела в крови, грозя превратить меня в подобие Михаила, если я сейчас просто не дам ей выход. Поэтому я указала Богдану на пол и приказала:

— На колени! Ползи!

Искрящиеся руны текли и впитывались в него, и, несмотря на то, что я уже сотни раз играла с сознанием мужчин, такого я не делала никогда.

Я никогда. Никем. Не управляла.

Богдан, подчиненный моей воле, опустился на колени и так, на коленях, двинулся ко мне.

— Ты больше никогда не будешь наказывать мою дочь из-за меня. — Когда он приблизился ко мне, я взяла его за подбородок и заглянула в глаза. — Больше никогда не станешь меня оскорблять при ней. Больше никогда не сделаешь ей больно, и сейчас, когда я выйду отсюда, ты нам разрешишь гулять. Потому что тебе очень, очень стыдно за то, что ты пытался ее использовать. Ты разрешишь своим сыновьям играть с ней. Ты меня понял?

Богдан покорно кивнул, и я отпустила его подбородок.

— Я выйду за дверь, и ты отдашь все распоряжения своему секретарю.

Я знала, что он все исполнит, но магию отзывала постепенно.

— Сейчас ты поднимешься, сядешь за стол и вспомнишь только наш разговор, в котором мы ссоримся, я прошу тебя, и ты соглашаешься.

Я подменяла его воспоминания с привычной легкостью, создавая иллюзии, которые останутся с ним вместо случившегося. Просто разговор. Просто моя просьба. Просто его согласие.

Закончив, я позволила рунам успокоиться, и только после этого вышла из кабинета. Кивнула секретарю, спокойно оставила позади Марику и охрану. Кровь во мне просто кипела — такое было всегда, когда я использовала магию. Потом это аукнется мне слабостью во всем теле, головокружением и дрожью, но это потом.

Малая цена за возможность уберечь свою дочь ото всего на свете и подарить ей жизнь, которой она достойна.

Малая цена даже при том, что я так и не поняла, что же за странная сила живет во мне. Богдан говорил про магию изначальную, но во мне не было Бездны, да и нулевином я тоже не была. И тем не менее мощь, которой я обладала, была убийственно опасной, в первую очередь для меня. Потому что случись кому-то о ней узнать — это даже не эшафот. Меня просто уничтожат на месте, как самую страшную тварь Бездны.

Глава 9

Богдан

Не в его правилах было принимать решения, а потом их отменять. Но все же он это сделал, а теперь сам не мог понять, почему. Разговор с Алиной ему помнился смутно, а точнее, до определенного момента довольно ярко. Она просила его разрешить им с дочерью Михаила гулять, а еще — чтобы девчонка могла играть с его сыновьями. Богдан помнил свои чувства: он был категорически против. С того самого момента, как узнал, к кому сбежали Мирон и Матвей, особенно. Потому что эта девчонка обладала загадочной, непостижимой силой притяжения, как и ее мать.

С того самого дня, как он ее увидел, эту Михайлову мелочь, он не мог перестать думать о ней. Знал, что это ребенок его злейшего врага, но вместо злости, которую должен был испытывать, чувствовал странную, щемящую нежность. Желание оберегать. Противоестественное желание! Хотя, говоря по правде, злость все-таки была. Каким слабаком нужно быть, чтобы хотеть защищать ребенка Михаила только потому, что это и ее ребенок? После всего, что было. После того, как Алина играла его чувствами, манипулировала, а когда поняла, что он недостаточно хорош, чтобы предугадывать все шаги своего дяди (после того пожара), быстро выбрала того, кто ей показался сильнее.

Ненависть. Ярость. Отторжение. Вот что он должен был испытывать. И они были, но вместе с ними были и воспоминания о нежности и мягкости ее кожи. О взглядах глаза в глаза, когда все казалось таким искренним. Таким настоящим. О ее поцелуях, о ее столах, о ее криках. Обо всем, что безвозвратно осталось в прошлом и было лишь иллюзией, фальшивкой, сладким самообманом.

— Богдан, — Евгений напомнил о себе, и Богдан вернулся в реальность. В свой кабинет, где он видел Алину в последний раз, в крайне смазанные воспоминания, объяснения которым не находил. Словно действовал как в тумане.

Тряхнув головой, он отогнал от себя лишние мысли, сосредоточившись на предстоящем разговоре. Евгений был не просто главой его сопровождения и другом, за эти годы он стал его советником, возглавлял безопасность во дворце, курировал направление внешней политики и ведомство, созданное по аналогии с Канцелярией в Южной Лазовии. Канцелярия Михаила так и не смогла разобраться в причинах смерти того нулевика, друга Алины. Что же касается него, он за всеми событиями и расставанием с ней просто об этом забыл. Дело закрыли, так толком и не разобравшись, за серьезностью внутренней обстановки. До него дошли эти новости еще до раскола, а потом...

— Ты говорил про новости из Фьерции, — сказал он, глядя на Евгения.

— Да, похоже, что до них тоже дошли новости о вашей с

Михаилом встрече.

— Сработало?

— Пока что... да.

— Посмотрим, что будет дальше. Когда Михаил приедет сюда.

Евгений поморщился.

— Ты все же уверен?

Богдан прищурился.

— Поясни.

— Уверен в том, что хочешь союза с ним? После всего, что было. После того, как...

— Не союза. Временного перемирия.

— Ты сам говорил, что лучшепустишь в свою постель черную змею, чем снова с ним заговоришь.

Черные змеи не просто так считались самыми ядовитыми, их укус убивал за минуту. Ни один яд так не действовал, мгновенно, как удар хтиана в сердце.

— Это было в те дни, когда прорывы не вспыхивали по всей Лазовии, а Бездна не рвалась к нам чуть ли не каждую неделю.

На этот раз Евгений нахмурился.

— Ты прав, но...

— Но?

— Мне кажется, ты играешь с огнем.

Богдан усмехнулся, вспомнив полыхающий дом.

— Мы все играем. Всю жизнь. Не скажу, что мне это не

нравится.

— Богдан, ты меняешься. — Евгений чуть подался вперед. — Ты и так сильно изменился за эти годы, но когда рядом появилась Алина...

— При чем тут Алина? — он резко перебил его. Резко, холодно, властно, но друг только кивнул.

— Вот при этом. Ты начинаешь разговаривать свысока. Ты приходишь в ярость от малейшего слова о ней. Не говоря уже о том, как ты ведешь себя по отношению к ней и ее дочери. Снежана ребенок, она вообще ни при чем, а Алина — женщина. Какой бы она ни была, ты никогда не вел себя так с женщинами и с детьми. Может быть, ты и ожесточился, но благородство в тебе было всегда. Рядом с ними же ты напоминаешь Михаила. У тебя даже выражение лица становится как у него.

— Все сказал? — чуть ли не прорычал Богдан.

— Все.

— Тогда можешь идти.

Глаза Евгения сверкнули, но больше он ни слова не сказал. Только поднялся, коротко склонил голову и вышел.

Богдан же с трудом подавил желание стряхнуть со стола бумаги, письменные принадлежности и вообще разметать тут все. Ссориться с другом он не собирался, равно как не собирался вести себя с ним так.

Он говорил про Михаила и про черную змею, но если кто и есть черная змея — так это Алина. Стоит ей появиться ря-

дом, она отравляет всех и вся. Но что самое отвратительное, это не мешает ему ее хотеть. Хотеть до безумия, до ярости, до Бездны перед глазами.

Богдан рывком поднялся и направился к двери.

— Пусть Евгений подготовит все для тренировки, — почти прорычал секретарю. Тот покорно кивнул, а Богдан широким шагом подошел к окну и сцепил руки за спиной.

Пульсирующая в нем сила требовала выхода, но, что самое невероятное, до появления Алины он не чувствовал таких порывов. Словно в нем снова проснулась невиданная мощь, объяснить которую было нельзя. Только чувствовать. Принимать. Пытаться с ней совладать, потому что иначе — безумие бестиара. И смерть.

Алина

Сказать, что я чувствовала себя отвратительно — значит, ничего не сказать. Почему-то поступать так с Михаилом и с другими было легко, а с Богданом... я как будто себя заставляла опуститься на колени и делать то, что я не хочу. Раньше я никогда не испытывала угрызений совести, потому что я защищала свою дочь, но сейчас мне казалось, что можно было договориться. Достучаться до него как-то иначе. Повести себя по-другому. И от осознания этого внутри оставался мерзкий привкус фальшивой победы.

Радовали только счастливые лица детей: как ни странно, Анна в самом деле не противилась их играм и встречам. Хо-

тя и считала нужным присутствовать, так же, как и я. Пока Зарина и няня мальчиков следили за ними, мы так и сидели, на разных скамейках в парке, по диагонали друг от друга. Она с книгой, и я с книгой. Или в игровой комнате, она на диванчике, я в кресле. Жена, и... непонятно кто.

Когда-то я была Богдану любовницей, хотя верила, что возлюбленной. Сейчас между нами не осталось ничего кроме пропасти лет и непонятного колючего чувства, жалящего, как рой защищающих свои соты пчел. Анна вела себя предельно вежливо, не в пример Катерине, мы обменивались приветствиями, но на этом все. Я не чувствовала от нее злобы в свой адрес, и это обескураживало.

Возможно, потому что я привыкла жить, как на вулкане, под перекрестным огнем ненависти Катерины, ее дочерей, большинства прислуги, считающей, что я добилась всего через постель Михаила. Здесь было иначе. Даже то, что случилось с Зариной в первый день, выяснилось. Оказывается, горничная Марики настроила прислугу против нее и меня, и ее встретили довольно холодно.

Анна же, когда узнала об этом, отчитала и ту, и другую. Мне это донесла та же самая Зарина, которая спустя несколько дней благодаря доброму нраву уже успела подружиться с другими горничными и теперь, кажется, полностью освоилась. Что точно нельзя было сказать обо мне.

Несмотря на отсутствие враждебности и необходимости постоянно опасаться за свою жизнь и жизнь Снежаны, я не

могла привыкнуть к близости Богдана. Знать, что он где-то рядом, в том же самом дворце, и делит ложе с Анной, было невыносимо. Кажется, я сама начинала ее ненавидеть и превращалась в Катерину, и это угнетало. Изматывало, раздражало, злило!

Будь Анна похожей на жену Михаила, ненавидеть ее было бы легко и просто, но она не была. В ее взглядах, которые я ловила во время наших коротких встреч, читалась лишь какая-то легкая грусть и тоска, причем у меня создавалось чувство, что никак не связанные со мной. Зачастую она смотрела на меня, будто сквозь, будто находясь отсюда безумно далеко. Я замечала это, когда она порой отрывалась от книги, поднимала глаза, но мысленно будто оставалась там же, в вымышленных мирах и событиях.

Так продолжалось каждый день, но однажды Анна не пришла. От няни Мирона с Матвеем я узнала, что ей нездоровится, и почему-то мне стало от этого грустно. Как будто ее молчаливое присутствие стало для меня обязательным и даже поддерживающим. Поддерживающим в моей решимости не встречаться с Богданом, не желать его, отказаться от него тогда, несколько лет назад.

— Нет, это — сюда! — Снежана ткнула пальцем в башню, которую она строила с братьями. Меня уже не смущало это «с братьями», я смирилась с тем, что это так и есть. Тем более что мальчики были замечательные, о таких братьях можно было только мечтать. Они чуть ли не сдували со Снежа-

ны пылинки, таскали ей игрушки, ни разу не один из них не вел себя надменно. Вот и сейчас Мирон не стал спорить и поставил кубик туда, куда она просила.

Выносить эту идиллию у меня больше не было сил. У дочери от счастья сверкали глаза, я же внезапно почувствовала, что задыхаюсь: несмотря на распахнутое настежь окно и свежесть от недавно закончившегося дождя.

— Зарина, я скоро вернусь, — сказала негромко, поспешно поднялась и вышла. Обнаружила себя уже после нескольких анфилад и переходов в совершенно незнакомом крыле. Я здесь редко бывала, а еще крыло выглядело пустынным.

Я решила вернуться, но, кажется, свернула не в тот коридор, потому что меня неожиданно окатило знакомой мощью Бездны. Свист рассекаемого воздуха заставил на мгновение замереть, а потом я пошла на него.

Остановившись у распахнутых настежь дверей зала, я замерла повторно, потому что увиденное поразило до глубины души. Уворачиваясь от созданных с помощью рун полупрозрачных «тварей Бездны» Богдан двигался с такой скоростью, что я едва успевала отслеживать его перемещения.

Хтианы мелькали столь быстро, что лезвия напоминали не то ленты, не то смазанные стальные штрихи. Рассекая тренировочных чудовищ одного за другим, они испарывали воздух и тела на первый взгляд несуществующих тварей. Я знала о таких тренировках и знала, что на самом деле созданные рунами «монстры» не способны убить, но способны оставить

ожоги.

Мелькали темные тени, а я стояла, как завороченная, и смотрела за красивым и быстрым боем. Который закончился, стоило Богдану заметить меня: он взмахнул рукой, разрушая рунное кольцо, и «монстры» исчезли.

Но главный монстр моего сердца никуда не исчез, он стоял прямо передо мной, и капельки пота сверкали на смуглой обнаженной груди и торсе. Волосы у него были мокрые, как после купания, и я невольно провалилась в наше с ним лето. Хоть Богдан и стал мощнее, яростнее, сильнее, мне словно огонь вместо крови по венам пустили.

Я задохнулась от нахлынувших чувств, от желания — жгучего, острого, жаркого. И, лишь едва успела перевести дух, как услышала его голос. Низкий, хриплый, заставивший кожу мгновенно покрыться мурашками:

— Ну что же ты стоишь, Алина? Заходи.

Глава 10

Алина

В его голосе прозвучал такой холод и столько презрения, что не оставалось ни малейших сомнений, на что он намекает: Богдан, которого я знала, никогда так себя не вел. По отношению ко мне, по отношению к кому бы то ни было, и это в очередной раз здорово отрезвило. Помогло понять, что я живу прошлым, влюбленная в тот самый образ, в того мужчину, которого больше не существует. Да и существовал ли? Или просто хорошо притворялся.

Вместо ответа я просто развернулась и зашагала по коридору обратно, оставляя за спиной и этот образ, и все прошлое. Мужчину, которого я совсем не знала, свои чувства... которых не должно было быть. Просто не должно! Не должны они сейчас бушевать во мне, не должно быть по-прежнему больно! Потому что нельзя не видеться годы, и продолжать что-то испытывать по отношению к тому, кто...

Должно быть, я слишком ушла в свои мысли, потому что не заметила его приближения. А когда заметила, было уже слишком поздно. Ладонь Богдана легла на мою талию, резко разворачивая к себе, и еще, прежде чем я успела вдохнуть, меня уже толкнули к стене, запирая между ней и своими телом, как в тиски или капкан.

От его тела шел жар, который впитывался в меня, как если бы мы были единым целым. От его взгляда — черного, полного Бездны, кружилась голова. Я забыла, каково это, чувствовать его так остро. Тот короткий эпизод в ванной — не в счет. Сейчас я словно пьяная стала, от одной только его близости. От этого взгляда глаза в глаза, от дыхания, скользящего по коже, от прикосновения пальцев, минуту назад сжимавших хтианы, к моим запястьям.

От того, как сквозь ненависть и силу в мою кожу втекала знакомая нежность. Ему не составило бы труда наставить мне синяков, но даже сейчас, когда Богдан перехватил мои руки и удерживал их над головой, у него это получалось... как тогда, в прошлом. На грани боли и удовольствия, на грани жестокости и чувственной пытки.

Он всего лишь держал мои руки!

Всего лишь смотрел мне в глаза.

А в мыслях его ладони уже скользили по моему телу, обжигая, сводя с ума, стирая остатки разума, отделявшие меня от того, чтобы податься к нему. Поддаться ему, почувствовать жар его тела своим, каждой его клеточкой.

Разрушить все, что я создавала все эти годы.

Разрушить себя.

Потому что стоит мне позволить себе это однажды, и я уже не смогу от него отказаться. Второй раз не смогу, это просто меня уничтожит, и я стану согласной на все. На Анну, на его детей, на статус любовницы, на то, чтобы он меня называл

шлюхой — ведь если поддамся, это будет заслуженно.

Я дернулась в его захвате, разрывая порочный круг близости.

Опасность, готовую накрыть меня с головой и уничтожить. Ведь если сейчас передо мной стоял Богдан, которого я не знала, то и мне предстояло бы стать совершенно иной Алиной. Незнакомой, той, кем я никогда не хотела быть.

Ведь если я могла быть шлюхой при Михаиле, исключительно в глазах окружающих, то стать шлюхой при нем — это смерть. Для меня, для всех моих принципов, для всего...

— Пусти, — произнесла я. Слово было одно, а голос прозвучал низко и хрипло, будто я его соблазняла. Будто принимала правила этой игры, которая была по обнаженным нервам и чувствам, как хлыст или сильнейшая магия. Поэтому мне пришлось повторить еще раз, и в этот раз мой голос уже дрогнул забытой паникой: — Отпусти, Богдан!

На миг показалось, что не отпустит. Его губы были так близко, что он мог накрыть ими мои, едва шевельнувшись. Или коснуться шеи, оставляя на ней клеймо, которое будет жечь сильнее самого беспощадного пламени.

От одной мысли об этом бросило в дрожь, и в тот же момент его пальцы разжались. Словно спали оковы или кандалы, и в тех местах, где холодный воздух коснулся кожи, она загорелась. Даже без его прикосновений, и осознание этого хлестнуло, как плетью. Я поймала себя на том, что почти бегу по коридору (хотя ни от кого не бегала уже давно), а его

взгляд лежит на мне тем самым клеймом.

Беспощадным. Яростным. И жжет, жжет, жжет.

Анна

В дни женского недомогания Анна ощущала себя особенно одинокой. Помимо того, что само по себе настроение скакало от чрезмерной плаксивости до каких-то странных высот (падать с которых обратно в черную яму безнадежности было особенно больно), физическое состояние тоже оставляло желать лучшего. Низ живота казался налитым раскаленным свинцом, перед глазами плавали темные нити, а оторвать голову от подушки казалось смерти подобным. Потому что сразу же начинало тошнить, тошнить так остро, что никакого желания повторять этот трюк не было.

Иногда, в мечтах, она представляла, что Богдан будет рядом с ней. Будет держать ее за руку, будет говорить ласковые слова. Хотя все эти мечты давным-давно пора было разбить о реальность, как ненужный хрустальный подарок.

То, что сердце его ей не принадлежит и никогда не будет принадлежать, Анна поняла не сразу. Хотя, конечно же, почувствовала раньше, чем поняла. Еще тогда, на балу, когда он явился с Алиной, с девчонкой, которая ему не ровня. Сердце всегда знает, всегда чувствует, но разум пытается играть с ним в игры. Всегда хочется верить в то, что тебе кажется лучшим.

Вот Анна и поверила: словам отца, говорившего, что это молодая кровь играет, что Богдану просто нужна была эта девушка для любовных утех. Словам Богдана, когда он предложил стать его женой. Его поступкам, когда он не отходил от нее после смерти отца. Ей казалось, что их старая дружба и впрямь обрела новую жизнь, перерождаясь в нечто иное, гораздо более глубокое. Наполненное страстью, нежностью и чувствами, которые они пронесут в себе до глубокой старости.

Пронесут как пара, но...

Стоило ей снова увидеть солнце, когда отступила первая боль утраты, когда сменилась надеждой: беременность стала той самой радостью, которая помогла Анне наконец перестать горевать по отцу и отпустить его окончательно, как все встало на свои места.

Богдан был к ней невыносимо внимателен. Бесконечно галантен. Он давал ей все, кроме того, что Анна по-настоящему хотела бы получить. Все, кроме любви.

Пора откровенных разговоров между ними тогда еще не настала, но она уже понимала, что этот мужчина не чувствует к ней и сотой доли того, что испытывал к девушке на ба-лу. К девушке, которую она видела один-единственный раз и надеялась больше никогда не увидеть.

Зря.

В первое появление Алины во дворце Анна сорвалась. Словно все непржитые чувства, невысказанные Богдану

упреки (а за что их было высказывать? Нельзя дать то, чего в тебе нет) прорвались в одной короткой и резкой фразе.

Дальнейший разговор казалось бы, все расставил по местам, но... Анна прекрасно понимала, что ничего между ними еще не кончено. Как бы Богдану ни хотелось верить в то, что он держит Алину при себе лишь из-за Михаила. Обманывать себя гораздо проще, в этом Анна убедилась на своем опыте.

Негромкий стук в дверь выдернул ее из собственных мыслей. Анна открыла глаза и произнесла:

— Входите.

В комнату вошла, а если быть точной, влетела Марика. Со дня, как здесь появилась Алина, Анна свою фрейлину не узнавала. Возможно, все дело было в прошлом. В их прошлом. Марика до сих пор считала, что Алина ее предала и бросила на произвол судьбы, но именно Анна как никто другая понимала, что Алина делала тогда. Она боролась за свою жизнь. Теми методами, которые ей были доступны и на которые ей хватило совести.

— Простите, что беспокою, — Марика сделала реверанс, — но я больше не могу это терпеть, Анна.

— Если ты про Алину, то пожалуйста, не начинай. Мы с тобой уже все обсудили.

То, что Алина «змея», и то, что ее появление здесь ничем хорошим не кончится — тоже.

— Да, но на этот раз... — Марика покачала головой. — Я

бы не стала беспокоить по пустякам, особенно зная о вашем состоянии!

Анна прикрыла глаза. Низ живота снова мучительно потянуло, и ей показалось, что надо переключиться.

— Хорошо. Говори.

— Алина, она... простите, но она преследует вашего мужа! На этот раз она нашла его даже в зале для тренировок! Воспользовалась его разгоряченным состоянием и соблазнила!

Марика прижала руки к груди, а у Анны запульсировало в висках. Да, они с Богданом давно не жили как муж и жена, но одно дело знать, что у него есть временные любовницы, которых он меняет как перчатки, совсем другое — что появилась та, кто изначально разрушила их брак! Сделала их счастье невозможным. Превратила их семью в две половинки, держащиеся только на хрупких сыновьях.

Малознакомое и нечастое в ее случае чувство ненависти той самой змеей шевельнулось в груди. Подцепило своим хвостом обиду, несправедливость, отчаяние. Заставило горечь встать в горле тяжелым комом.

Тем не менее когда Анна открыла глаза, в них не было ни слезинки.

— Ты уверена? — спросила она.

Злость на Алину мешала мыслить здраво, но она не хотела превращаться в одну из тех женщин, которые, не разобравшись, наворотят дел.

— Конечно я уверена! — Марика захлопала ресницами.
— Я бы не стала... я видела все своими собственными глазами! Я просто следила за ней! Знала, что от нее стоит ждать чего-то подобного! Она просто явилась к нему, и...

— Довольно.

Анна сдавила виски руками: к тошноте добавилась пульсация и боль в голове. Но еще — ярость! Как можно быть такой... беспринципной! Продажной, расчетливой, не понимающей, что есть вещи, через которые нельзя перешагивать! В частности, дети!

Мирон и Матвей, что они сделали ей? А она, Анна, что сделала? Позволила ее дочери играть с ними! Ни словом, ни взглядом не обидела, не оскорбила. Не считая той вспышки чувств по приезду, но ведь это были эмоции!

Как после всего Алина могла так низко себя повести? Так низко!

Просто взять и перечеркнуть все. Не считаясь с чувствами ее малышей (каково им будет узнать об отце?) Не считаясь с ее чувствами.

Анна знала о существовании всяких женщин и наивной далеко не была, но такое!

Когда она снова открыла глаза и взглянула на Марику, в них был только холод.

— Мне нужно будет, чтобы ты для меня кое-что сделала,
— сказала она.

Глава 11

Алина

Как следует попереживать о случившемся мне не удалось. Жизнь оказалась щедрой на «сюрпризы» и подбросила мне еще один. А именно — Игната Савельева. После исчезновения Дмитрия он появился в окружении Михаила, точнее, официально он был камердинером нового сопровождающего Верховного. Неофициально же делал для Михаила всю грязную работу.

Когда надо было заставить кого-то замолчать, а кого-то умолкнуть навсегда, когда нужно было сделать что-то так, чтобы об этом не узнал никто, в игру вступал Савельев. Честно говоря, он был единственным, кто на меня наводил жути похлеще любого монстра Бездны. Михаил для меня был предсказуем, Савельев — увы. Правую половину его лица пересекал глубокий шрам, об истоках которого оставалось только догадываться. Кожа словно была вывернута наизнанку: такое не оставляют хтианы, кинжалы или ножи. Шрам начинался от подбородка и заканчивался у середины глаза, еще чуть-чуть — и ему пришлось бы носить повязку.

Волосы до плеч Игнат тщательно укладывал с помощью жирных средств: они всегда были зализаны, зачесаны назад, и поколебать их, как мне кажется, не мог даже сильнейший

ураган. Он не считался сильным бестиаром, да и не чувствовала я в нем какой-то особой силы, но в его глазах застыло нечто гораздо более страшное, чем Бездна.

Пустота.

Никак иначе я это охарактеризовать не могла. Мне казалось, что он убивает гораздо легче, чем разговаривает, потому что в разговорах Савельев цедил слова, словно ему их было отмерено ограниченное количество на всю жизнь. Вот и сейчас он протянул мне раскрытую ладонь, на которой покоилась на первый взгляд обычная монета.

Мне полагалось видеть в этом всего лишь металлический кругляш, но я чувствовала, насколько сильно от него фонит. Магией.

— Что это? — уточнила я. Брать что-либо из рук Савельева мне казалось плохой идеей в принципе. Даже несмотря на то, что я знала: он работает на Михаила, а Михаилу я пока нужна.

— Артефакт. Для связи. — Он это выплюнул с такой ненавистью, словно я отняла у него не бесценные слова, а деньги, после чего схватил меня за руку и вложил кругляш мне в ладонь. — Коснешься его. В центре. Сразу, как я уйду.

— Зачем ты здесь?

Игнат окатил меня холодным презрительным взглядом: с тем же успехом он мог смотреть на внезапно заговорившую крысу. Ничего больше не сказал, развернулся и в несколько шагов преодолел расстояние до двери. После того, как она

за ним закрылась, мгновенно стало легче дышать, хотя артефакт и жег руку.

Я не стала ждать, заперла дверь на замок. После чего села за стол, коснулась сердцевины похожего на монету артефакта и мгновенно почувствовала волну прокатившейся по комнате магии. Поначалу ничего не происходило, но я не спешила обманываться. Воздух над монетой на столе задвигался, стал сгущаться, раскаляясь, как от фитиля горящей свечи.

Миг — и передо мной появился Михаил. Я могла видеть его так же хорошо, как если бы сидела по другую сторону стола в знакомом до мельчайших деталей кабинете.

— Ну здравствуй, Алина, — насмешливо произнес он. — Наслаждаешься?

— Чем я должна наслаждаться? — не поддалась на провокацию я, спокойно глядя на Верховного.

— Жизнью. Ты же наверняка скучала по моему дорогому племяннику? — Его взгляд стал жестким и пронизывающим.

— Повторю тебе еще раз: если бы это зависело от меня, меня бы здесь не было.

Не солгала ни единым словом!

— Как хорошо, что это от тебя не зависит, — Верховный расслабился, явно почувствовал, что я говорю искренне, — может, еще скажешь, что у вас с ним ничего не было?

— Скажу то, что ты хочешь услышать, — насмешливо произнесла я.

Взгляд Михаила снова изменился, Бездна в нем взбунто-

валась, но здесь она не могла до меня дотянуться. Всей магии, сосредоточенной в артефакте, на такое не хватило бы, хотя он был очень мощный. Наверняка нас никто не мог подслушать, даже если бы кто-то сейчас стоял за дверью и елозил по ней ухом. Я провела рядом с Верховным слишком много времени, чтобы знать о защите такого рода артефактов.

— Дерзишь? — холодно произнес он. — Не забывай, что ты все еще моя собственность, Алина. И так будет всегда.

«Не всегда, а пока ты жив», — отрывисто подумала я и ужаснулась собственным мыслям.

— Не забуду, — коротко отозвалась я. — Зачем здесь Игнат?

— Защищать мою дочь, разумеется.

Разумеется. Именно поэтому ты отправил его с нами сразу.

Вслух же я сказала совсем другое:

— Теперь он будет ходить с нами везде?

— Снова угадала, Алина.

Значит, будет за мной следить. Вопрос только в том, почему.

— Хорошо.

Я никогда не работала с Савельевым своими методами, но если придется — буду. Поэтому новость меня не потрясла и не ошеломила, могло быть гораздо, гораздо хуже. Например, Игнат мог здесь оказаться для того, чтобы навредить Богда-

ну. Почему меня это вообще волнует?!

— Это не единственная причина, по которой я хотел с тобой поговорить. Мне нужно, чтобы ты узнала все планы моего племянника: начиная от нашего с ним сотрудничества, к чему мне готовиться, и заканчивая тем, что он собирается делать со странами, поставившими нас в такое положение.

Что я только что думала про «могло быть хуже»? Вот это оно.

— Передавать все будешь через Игната. И да, моя дорогая Алина, в ближайшее время ты должна снова соблазнить моего племянника и стать к нему ближе. Учитывая, сколько прошло времени, и ты, как настоящая умница, вертела хвостом, не подпуская его к себе, подозрений это не вызовет.

Это не просто хуже. Это намного, намного хуже.

— А если я откажусь? — холодно уточнила я, забыв обо всех играх. Во мне просто полыхнуло от осознания того, что мне предстоит сделать.

Я могла делать это с кем угодно. Но только не с Богданом. Нет!

— Откажешься — и больше никогда не увидишь свою дочь. — Верховный посмотрел на меня в упор. — Но ты же этого не сделаешь, Алина. Потому что, как я уже сказал, ты у меня настоящая умница.

Сила артефакта иссякла, или Михаил разорвал связь. Воздух перестал искрить, магии вокруг меня не стало, я же продолжала сидеть с неестественно прямой спиной, вцепившись

пальцами в край стола.

— Мамочка, почему ты сегодня такая молчаливая? — Снежана заглянула мне в глаза, выдергивая из состояния, в котором я находилась с минуты разговора с Михаилом.

Я и впрямь едва ли сказала дочери хотя бы пару слов за весь день. Мне казалось, что я не могу нормально дышать, не то что говорить. Может ли Михаил отобрать у меня дочь? Я могу убедить его этого не делать с помощью магии. Могу убедить его изменить решение по поводу Богдана. Могу ли? И сколько человек знает о том, что он задумал? Что я должна сделать?

Каждое магическое вмешательство стоит мне сил, которые приходится восстанавливать по несколько дней, каждое нужно проверять и перепроверять по десять раз, чтобы никто не сообщил Михаилу о странностях в его кардинально изменившейся позиции или решении. Михаилу, его гостям, всем, на ком я применяла магию. Пока что мне удавалось обходить острые углы. Пока что. Но сколько еще я смогу ходить по лезвию?

Не говоря уже о том, что я не могу повлиять на Михаила, пока он в Авенне, а я в Талминбурге. Попытаться обмануть Савельева? Возможно, но на сколько меня хватит?

Если у нас с Богданом не будет постоянной связи, откуда я

буду брать информацию? Не говоря уже о том, что я ее брать не хочу!

— Мама...

— Помолчи! — Я повысила голос, сама того не замечая, но Снежана дернулась. Губы у нее задрожали, в глазах заблестели слезы: еще бы, я никогда раньше не кричала на дочь. Никогда!

Будь прокляты все эти интриги и верховные, вместе взятые!

— Снежинка, — я мгновенно развернулась к ней, — прости меня, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть, просто мне нужно принять очень важное решение, которое не дает мне покоя.

— Какое? — Снежана шмыгнула носом, но плакать передумала.

— Неважно. Просто я очень волнуюсь, постоянно нахожусь в своих мыслях, и...

— А находиться в своих мыслях — это как?

Мы сидели у нее в комнате, по стеклу барабанил дождь, превращающий Талминбург и летние сумерки в серый пейзаж, кажущийся застывшим во времени и пространстве. Настолько, что, казалось, ничего не изменится, если я проснусь завтра, послезавтра, через неделю, месяц и через год.

Вот только дело было не в сырости, не в сумерках и не в столице Северной Лазовии. Такой была моя жизнь у Михаила, даже в самые солнечные дни. Единственное, что ме-

нялось — это моя Снежана. Снежана, которая росла не по дням, а по часам, я помнила ее первую улыбку, первый смех, первые неуверенные шаги. Первое: «Ма-ма!», каждую бессонную ночь — няням я в то время не доверяла и спала от силы два-три часа в сутки.

Снежана росла, и только она позволяла мне чувствовать себя живой. Ни магия, ни знания, ни даже вся та мощь, которой я обладала и за которую расплачивалась днями бессилия, не позволяли мне снова ощутить ту яркость жизни, которая пульсировала в самом сердце, текла по венам, будоражила и опьяняла сильнее любого хмельного напитка.

Больше в моей жизни ничего не напоминало о той Алине, в жизни которой был Богдан.

Я убрала тарелки (мы как раз закончили ужин) чуть подальше, чтобы случайно их не опрокинуть, пересадила дочь к себе на колени и погладила по волосам.

— Это когда у тебя в голове все время крутится, крутится что-то, и ты никак не можешь это остановить.

— Что, совсем не можешь? — Снежана широко распахнула глаза.

— Совсем.

— Но так же не бывает! Сейчас я думаю про Мирона с Матвеем! — Она крепко зажмурилась, а спустя несколько мгновений открыла глаза. — Вот! Сейчас не думаю! Это же просто, мамочка!

Если бы все было так просто!

— Что ты о них думала, милая?

— Что они совсем не похожи на отца! А еще, что мы с ними сегодня не виделись, и я скучаю.

Анна сегодня забрала детей на весь день к подруге, поэтому Снежана так с ними и не увиделась.

— Поиграешь завтра, Снежинка.

— А ты как находилась в мыслях? То есть... что у тебя там крутилось?

Я улыбнулась.

— Это слишком сложно.

— Мне ты можешь сказать. Я взрослая!

Я не выдержала и улыбнулась еще шире.

— Давай я тебя лучше защекочу, взрослая!

Дочь завизжала и принялась вырываться, хотя я не особо ее и держала. Заливаясь смехом, она брыкалась, как жеребенок, я только чудом не заработала несколько синяков. Зато когда остановилась, Снежана уже не помнила о том, как горячо хотела выяснить, что там происходит в моих мыслях, что там постоянно крутится. Моей малышке совершенно точно не стоило знать, что в последнее время там исключительно ее отец.

Ее настоящий отец.

Глава 12

Алина

Савельев следовал за нами неотступно. Куда мы — туда и он. Предлог был отличный: защищать Снежану, чтобы за нами следить. Как всегда, одним «подарочком» судьба не ограничилась. Анна вечером не вернулась от подруги, из чего я сделала вывод, что у них с Богданом произошла размолвка. Не сбегает женщины просто так к подругам из счастливого брака: уж что-что, а это я понимала.

Поэтому когда дочь спросила, когда у нее получится пообщаться с братьями, я ответила, что не знаю. Потому что, с наибольшей вероятностью, бестиари задержится в гостях, пока Богдан ее не вернет. Или не попросит прощения — за что, я понятия не имела, но мне было не до их сложностей. Со своими бы разобраться. А для начала понять — как.

Сказать, что я сама ни разу не думала о побеге — ото всего этого, от Михаила, от его приказов, от этой жизни, которой никогда себе не просила — значит, солгать. Многие во дворце Верховного считали, что я хорошо устроилась: купаюсь в шелках, сплю на пуховых перинах. Дорвалась девка до того, что другим за всю жизнь не светит.

Я бы все эти перины и шелка с большим удовольствием оставила в прошлом, работала бы, как отец и родные у Се-

мена. Просыпалась с рассветом от пения птиц, зимой — от морозного скрипа снега за окном. Одевала бы Снежану, а потом мы бы вместе с ней шли к реке или быстро-быстро умывались, чтобы не замерзнуть. Занималась бы делами по дому, глядя, как моя дочь играет, и с большим удовольствием не знала бы ничего обо всей этой политике, интригах и о том, каково это — просыпаться на пуховой перине, как в кандалах.

Конечно, перина здесь была ни при чем, я верила в то, что счастливым можно в равной степени быть и в шелках и в простом льняном сарафане. Вот только мне такого не выдали ни в первом, ни во втором случае. Даже с родными связь была полностью потеряна.

Отец, когда узнал, что случилось, что я «теперь с Михаилом» написал мне гневное письмо, а еще что ему за меня стыдно. Сестра с братом так ничего и не ответили, когда я вместе с ответом отцу написала им. А после раскола Лазовии нас отрезало друг от друга окончательно. Семен продал южные земли и перебрался на Север, сейчас он жил с Марией где-то недалеко от Талминбурга. И это было все, что я о них знала. Могла только догадываться, что свободных людей (в том числе и моих родных) они забрали с собой. Возможно, они сейчас где-то совсем рядом. Возможно, даже в Талминбурге.

А я ничего о них не знаю. Столько знаю обо всех прихвостнях Михаила, обо всех, кто ему нужен, а о них ничего.

— Мамочка, а можно как-то узнать, когда Мирон и Матвей вернутся? — Снежана что-то совсем скисла.

Она настолько привыкла играть с братьями, что сейчас не знала, куда себя деть. К хорошему быстро привыкаешь, это правда, я вот в прошлом тоже по глупости поверила, что мы с ее отцом всю жизнь будем вместе.

— Боюсь, что нет, милая.

— А почему они уехали?

— Я же тебе говорила, родная. Их маме нужно было развеяться и отдохнуть, и она забрала их в гости.

— Но я же по ним скучаю. Они что, не знают, что я по ним скучаю? Или они не хотят со мной играть?

Я покачала головой.

— Нет, нет, дело не в этом. Просто все намного сложнее.

— Сложнее — это как?

— Понимаешь, они уехали с мамой, и даже если они очень хотят вернуться к тебе, они не могут.

— Почему?

— Потому что они мужчины. Защитники. Они должны ее защищать и беречь.

— А почему тогда нас никто не бережет?

Резкий кашель заставил меня вскинуть голову, и по коже прошел мороз. Я знала, что Савельев умеет появляться бесшумно, но что настолько — даже не представляла.

— Вас берегу я, — усмехнувшись, он посмотрел на мою дочь, и я подавила желание закрыть ее собой. Несмотря на

то, что сейчас он избавил меня от необходимости отвечать на неловкий вопрос, я бы все равно предпочла никогда его больше не видеть. — А сейчас я останусь с тобой, пока твоя мама побеседует с Богданом Велимирским.

— Что? Нет! — мгновенно вскинулась я. Проглотила слова «Я не оставлю ее с тобой», играть с ним в эти игры было опасно. — Зарина...

— Зарина занята пока, — снова усмехнулся своей жуткой улыбкой Игнат. — Очень занята. А за дочь Верховного ты можешь быть спокойна, я скорее позволю оторвать себе голову, чем ей кто-то причинит вред.

Снежана моргнула, а я поспешно поднялась.

— Пожалуйста, не выражайтесь рядом с ней таким образом, — холодно произнесла я. — Она еще слишком маленькая, чтобы слышать про оторванные головы.

— Так я же про свою голову говорю.

Я могла заставить его уйти. Уползти. Выбежать. Но — на глазах у Снежаны, к чему я совершенно точно была не готова. Не считая того, что причинить ей вред Савельев точно никому не позволит. В этом я могла быть уверена, как в самой себе. Пока Михаил считает, что Снежана его дочь, она в безопасности.

Тем более что рано или поздно мне все равно придется пойти к Богдану. Михаил отдал мне приказ, и либо я с ним справляюсь, либо могу больше никогда не увидеть дочь.

Да, я думала о том, что могла бы исчезнуть не раз и не два.

Вот только в отличие от Анны, бежать мне было некуда. Ни в Южной Лазовии, где Михаил достал бы меня из-под земли, ни тем более в Северной.

По коридорам я шла словно в каком-то трансе. Если Савельев отправил меня к Богдану, значит, он точно знает о том, что тот на месте. Не говоря уже о моей роли во всей этой истории — о том, что Михаил потребовал от меня через артефакт связи.

Ненавижу их. Ненавижу их всех!

На этот раз стража у кабинета меня не останавливала, а вот секретарь — молодой мужчина, чуть выше меня, с уже начинающей расплываться озерцом по макушке лысиной, поднялся и поинтересовался:

— Вам назначено?

— Нет, но вы можете уточнить, сможет ли...

— Сможет.

Он меня почувствовал, что ли? Как иначе объяснить то, что Богдан распахнул двери в свой кабинет раньше, чем я успела договорить, а секретарь — хотя бы что-то ответить.

Я уже привыкла видеть его злым, хмурым, сосредоточенным, но настолько усталым, с темными, как дополнительные отпечатки Бездны, кругами под глазами — нет. Он всю ночь не спал? Или что-то произошло?

Зачем мне эти вопросы? Зачем, зачем, зачем!

— Зачем ты пришла, Алина? — эхом спросили меня.

Сухо, но без какой-то злости, ненависти или отвержения,

как было в каждую нашу встречу. Я же должна была его соблазнить или использовать магию, но вместо этого продолжала просто стоять напротив и смотреть ему в глаза. Падая в них, как в Бездну.

Поэтому я быстро их отвела, даже зная, что это выглядит как бегство. В прошлый раз рассмотреть его кабинет я не успела, зато сейчас отметила что, в отличии от Михаила, который старался везде и во всем окружить себя роскошью, чтобы показать свой статус и свою власть — то, что у него неограниченные ресурсы, то, что он самый-самый, у Богдана в кабинете была достаточно простая обстановка.

Никаких вычурных подлокотников, бесконечно дорогих картин, статуй и ваз тысячелетних династий. Здесь было только то, что необходимо, а еще кабинет казался очень холодным. Возможно, потому что пасмурный день за окном как нельзя остро подчеркивал свинцово-серебристые портьеры, такую же, практически тон в тон обивку, темное дерево. Этот же серый день отражался в стеклянных дверцах шкафов и даже не пытался раскрасить напитанные ночной синевой стены.

— Пришла, чтобы поговорить, — все-таки ответила я.

Короткая пауза помогла мне собраться с силами, вспомнить, кто я есть и где я. И что мне предстоит сделать.

Вместо ответа Богдан указал мне на стоящее рядом с его столом кресло. Я же не могла не заметить хитяны на стене, пожалуй, единственное украшение этого кабинета.

— Это не может так продолжаться, — сказала я, когда он, пододвинув мне кресло, обошел стол и опустился в свое.

— Согласен, не может.

— Рада, что ты согласен. Потому что пока я здесь — по своей воле или нет, нам придется научиться сосуществовать под одной крышей.

Богдан усмехнулся:

— А если я не хочу этому учиться?

— Отправь меня назад. К Михаилу.

Это совершенно не способствовало достижению моей цели, но за все эти годы я так устала лгать, изворачиваться, притворяться, что сейчас могла позволить себе эту кратковременную передышку. Тем более что я не сказала ничего особенного.

Странно, но в отличие ото всех мужчин, которых я знала, усталость не сделала его старше. Напротив, она будто обнажила в нем черты, те самые черты, которые делали его молодым. Как будто он снял маску, показывая мне того Богдана, которого я знала. Просто самую чуточку повзрослевшего.

И от этого было невыносимо больно.

Настолько, что мне в самом деле захотелось услышать от него :«Убирайся!» Или чтобы он действительно отправил меня в Авенну. Вместо этого он произнес:

— Нет.

Так, словно обрубил саму возможность моего предложения, а еще возможность моего побега. Хотя бы такого.

— В таком случае я требую, чтобы ты...

— Ты требуешь, Алина?

Он поднялся так стремительно, что я не успела продолжить. Несколько шагов — и вот он уже нависает надо мной. Снова хмурый и злой.

— Да, я требую, — не спеша подниматься, произнесла я, — человеческого отношения. Я не прошу к тебя в подруги или возлюбленные. Но я считаю, что общаться как цивилизованные люди и бестиары, мы можем.

На этот раз на меня в упор смотрел он. Долго, молча, так невыносимо тяжело, что я чувствовала собственное сердце как кусок свинца. Который кто-то запихнул ко мне в грудь и каким-то чудом или же рунной магией заставил биться.

— Я не стану общаться с тобой, — жестко произнес он, — как ты того требуешь. Ты не вправе ничего требовать. Особенно от меня, Алина.

— И чем же ты такой особенный? — снова полыхнув внутри, я вцепилась в подлокотники кресла, чтобы не надевать глупостей.

— Сомневаюсь, что ты забыла, Алина.

— Было бы что помнить.

Это была даже не Бездна. Что-то более стремительное, неуловимое и опасное. Я не успела опомниться, когда меня рывком вздернули на ноги и так же рывком притянули к себе.

— Зато я помню все, — низко и хрипло произнес он мне в губы. — Каждое мгновение. Каждый твой вздох. Каждый

твой крик.

Если бы эти слова не резали так по живому, я бы, наверное, не смогла справиться с рвущимся из груди рваным дыханием. Сейчас же наоборот замерла. Невидимая рука сдавила горло и грудь, не позволяя ни двигаться, ни говорить.

— Поэтому я никогда не смогу общаться с тобой, как ты того требуешь. Потому что ты отравляешь мою кровь с того самого дня, как я тебя впервые увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.